

An impressionistic painting of a street scene. The scene is dominated by large, leafy trees with warm autumn colors of yellow, orange, and red. The brushwork is visible and textured. In the background, a multi-story building is partially visible on the right side. The overall atmosphere is soft and hazy, with a bright, diffused light source. The text is overlaid on the painting.

Виктор Ремизов

Искушение

Виктор Владимирович Ремизов

Искушение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24286406
ArsisBooks, LumCovem, Dialar Navigator B. V.; 2017
ISBN 9785000993200

Аннотация

У молодой девушки из небольшого сибирского городка тяжело болен отец. В семье острая нужда, в поисках работы она с двоюродной сестрой уезжает в Москву. Судьба как будто благосклонна, у Кати много новых друзей, и жизнь начинает налаживаться... но неожиданным препятствием оказывается любовь, и сразу перед несколькими героями встают непростые вопросы. Кому-то трудный выбор героини покажется несовременным, «трагедией на пустом месте», а кому-то непростым, но единственно возможным. *Николай Александров, литературный критик.* «Роман финалиста русского Буккера и Большой книги Виктора Ремизова «Искушение» можно считать отечественным вариантом сказки о Золушке, которая, как известно, столь значимую роль играет в американской культуре, в концепции американского успеха. Различия, впрочем, тоже показательны. Две девушки, две кузины Катя и Настя живут в городке Белореченске на берегу Ангары. И в один прекрасный день отправляются в Москву, в город благополучия, денег и успеха. В Москве с ними происходят события

отнюдь не всегда радостные, а иногда и вовсе драматичные, и если Настя поддается столичным искушениям (радости, впрочем, от этого не испытывая), то Катя остается верна себе. В результате ее ждет награда – настоящая любовь. Впрочем, в финале обе героини возвращаются в Белореченск (и обе – беременные, надо сказать). Таков неожиданный итог российской Золушки. Понятно, что смысл этой истории совсем не американский, и уж точно это не роман об успехе. Еще два слова о романе. Он написан намеренно простым, бесхитростным языком, то есть как будто озвучен голосом Кати или подстраивается под этот голос прямого, простодушного, красивого человека.» *Юлия ЩЕРБИНИНА, филолог, профессор.*

«...роман Ремизова выводит читателя из "зоны комфорта", заявляя две болевые проблемы: выбор человека между успешностью и подлинностью... Реалистичность изображения мастерски соединяется с неоднозначностью обстоятельств, в которых вообще сложно принимать какие-либо решения не только героям, но и читателям. Несомненное художественное достоинство "Искушения" по-настоящему живые, полнокровные персонажи, которым искренне сопереживаешь, за которых болит душа и с которыми не хочется расставаться в финале. Именно такого – предельно эмпатического, почти наивного – читательского восприятия сейчас остро не хватает многим произведениям.» **Роман вошел в лонг-лист премии «Национальный бестселлер» 2017 года.**

Содержание

1	5
2	25
3	34
4	38
5	51
6	76
7	96
8	119
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Виктор Ремизов

Искушение

1

Наступила осень. Тепло стояло, деревья едва пожелтели, а вода в реке была еще вполне, и захлебывающиеся крики мальчишек неслись из затона и с другой стороны, от старой пристани, с крыши которой они и прыгали.

Но осень наступила. В садах появились синицы, которых летом никогда не видно, и наблюдательный человек, услышав их тонкие посвисты, опирался на черенок граблей и задумчиво глядел в небо, на осенние уже, рябые перышки облаков.

Уехали из Белореченска студенты и студентки, гостившие на каникулах, притихли и местные. С улиц исчезли крутые, набитые вечерней молодежью черно-тонированные «девятки», глушившие своей музыкой все живое вокруг.

Стало потише, иная хозяйка недоверчиво выходила за вечерние ворота и долго стояла, слушая деревенскую тишину и глядя на свое бабье лето, неотвратимо уплывающее от нее по Ангаре, то рукой, то тапком почесывая комариные поцелуи.

Белореченск деревянный по преимуществу, частные до-

мики с огородами и банями облепили просторный, разрезанный оврагом холм, который с одного бока омывает широкая Ангара, с другого – ее правый приток, таежная Белая, когда-то и давшая название городку.

С высоты белореченского холма, особенно с облеслой церковной колокольни, на три стороны от жилья раскинулась голая степь, на север же, за устьем Белой и по Ангаре маняще и весело дыбятся зеленые таежные просторы.

Жителей в городке девятнадцать тысяч – крупный по российским меркам райцентр. В остальном же – всё, как и по всей нашей необъятной Родине. Небольшие предприятия: маслозавод, дореволюционной еще постройкой «кирпичный» и валяльная фабричка заросли бурьяном. От больших когда-то, областного значения рыбзавода и «молочки» тоже немного осталось. Работы нет, наверное, и для трех тысяч. Кто помоложе, ездят на сторону, большинство же кормится огородами, с реки да из леса. Хлеб и бензин покупают на пенсии стариков.

Катя с отцом, матерью и двухлетним братишкой жила на Прибрежной, как раз над высоким мысом, где встречались реки.

Кате двадцать лет, она стройна, хорошо сложена, по-девичьи тонкая как будто, но крепкие бедра, округлая грудь... уже ясно чувствуется в ней юная женщина. Русые волосы обычно заплетены в тяжелую косу, но бывают и просто вольным длинным хвостом почти до пояса. У нее карие, ясные

и умные глаза. Лицо смуглое с едва заметными брызгами веснушек по холмику носа.

Заглядевшись на нее, встретившись с ней взглядом, чувствуешь вдруг какую-то беспричинную радость и даже удовольствие и начинаешь сам улыбаться, да так, что не можешь глаз отвести. Как бывает, пьешь воду в тенистом таежном ключике, и такая она чистая и вкусная, что никак не напьешься... и даже самому смешно и весело делается, что напиться не можешь. Так вот с Катей. На красивых девушек часто ведь смотреть неудобно почему-то, на нее же наоборот. Катя не вызывала смущения, и чаще всего люди, даже хмурые, даже толстые и всем и всегда недовольные тетки отчего-то начинали невольно и осторожно щериться в ответ на ее приветливый взгляд.

В клубы, а их в Белореченске в новые времена открылось целых три, Катя не ходила, ночью не визжала под пивко у речки и вообще публичной райцентровской жизни по возможности избегала. Она была жизнерадостна, но от природы умна и сдержана, как будто знала о жизни что-то важное, что делало ее спокойной и позволяло без усилий избегать мелкой и ленивой пошлоты, так легко убивающей и мозги, и душу.

Сегодня она встала в шесть, кроликов накормила, кур выпустила в огород. Там уже выкопали картошку, и куры, со страстью поднимая пыль, выскивали что-то в желто-бурой ботве. Петух Портос, недовольно и строго поглядывая, вы-

шагивал чуть поодаль, вдоль забора, оберегая свои яркие одежды. Катя замешивала оладьи в летней кухне. Спящего маленького брата слушала сквозь трудовое сопенье стиральной машины. Вместо брата услышала голос отца из дома:

– Катюша!

– Иду, пап! – брякнув рукомойником, быстро вытерла руки и побежала через небольшой двор в дом.

Отец лежал в первой же маленькой комнате, направо от входа, где он всегда и работал. Здесь помещались только кровать и небольшой письменный стол. Над кроватью, вокруг окна и всю противоположную стену до самого потолка занимали книги. Книгами здесь и пахло, да лекарствами в последнее время. Отец, улыбаясь Кате такими же, как у нее темно-кариими глазами, поднял руку к дочери. Катя скинула с него одеяло, майка задралась и обнажила пожелтевший уже гипсовый корсет, охватывающий низ спины. Катя присела на колено, быстро поцеловала отца в колючую седеющую щеку.

– Будешь завтракать?

– Пойдем, посижу с тобой...

Отец, приноравливаясь, обнял дочь одной рукой за шею, и она стала аккуратно поднимать его и пересаживать в инвалидную коляску. Отец очень похудел за последние два года и был легкий, он морщился, молча терпел боль, руки привычно взялись за колеса, и он торопливо покатился из комнаты, будто можно было уехать от опостылевших кровати и стен.

Учителя математики второй Белореченской школы Георгий Иванович Рождественского придавило два года назад. В июле. Было такое же вот утро, еще не садились завтракать, пришел сосед, попросил помочь закатить бревна на сруб.

Солнце давно уже взошло, но еще не жарило. Новый сруб был поднят на десять венцов, и они вчетвером затягивали подготовленные восьмиметровые сосновые бревна по косо уложенным направляющим. Наверху бревно укладывали в чашу, просматривали, плотно ли легло, потом прокладывали пазы сухим мхом и переходили на другую сторону. Поднимали следующее. Двое помоложе сверху тянули поочередно концы бревна, Григорий же Иванович с соседом, каждый со своей стороны помогали снизу, удерживали подпорками или крепили скобами. Перед последним тринадцатым венцом мужики перекурили:

– Ты чего Георгий Иванович зеваешь сегодня все утро? – улыбаясь и попыхивая сигаретой, спрашивал Иван Данилыч, сосед, так же, как и Георгий Иванович, пришедший помочь.

– Не спалось... – Катин отец не курил, он сидел в тени сруба и смотрел на свои стоптанные ботинки.

– А я думал, на рыбалку бегал... – невысокий и крепко сбитый Иван Данилыч присел рядом на мокрые от утренней росы щепки.

– Да нет, – Георгий Иванович улыбнулся и покачал головой.

– Задачки, наверное, решает! – предположил сверху хо-

зьяин строящегося дома, дети которого учились у Катиного отца.

Георгий Иванович не ответил, смотрел в сторону реки, он и вправду был сегодня крепко расстроен.

Взялись за последний венец, затянули, легло неровно, надо было подтесать. Мужики наверху завозились с тяжелым бревном, а Георгий Иванович, поджидая их, поглядывал на Ангару. К пристани как раз подходил тупоносый буксир, загудел громко. И гудок этот будто и стихнул незаметно конец бревна.

– Георгий! – заорал Иван Данилыч.

Георгий Иванович машинально обернулся, все еще думая о чем-то, сделал шаг в сторону. Удар пришелся в низ спины и потом под ноги. Георгий Иванович распластался на земле, на сосновых отёсках и стружках. С двойным переломом позвоночника.

На часок-полтора пошел отец, а вернулся через полтора месяца после нескольких операций.

Случилось это два года назад и с тех пор в доме многое поменялось.

Катя любила это утреннее время вдвоем с отцом. Всю жизнь проработавший учителем, по утрам он был немногословен и чаще они молчали, просто чувствуя друг друга, ощущая присутствие и тепло родного человека. После операции из-за болей и неудобного корсета отец спал плохо, они с матерью обкладывали его подушками и он читал ночами

напролет или просто лежал, думая сосредоточенно или записывая что-то карандашом в толстую тетрадь. Иногда Катя видела, как ему хочется поделиться.

– «Госпожу Бовари» перечитывал. Странная вещь, вроде про любовь, а любви-то и нет как будто, одни деньги, долги да хлопоты пустые... Знаешь, – заговорил он совсем доверительно, – хочу понять, что такое любовь. И вообще, и между мужчиной и женщиной... про нас с матерью думал, про нас с тобой, про тебя, классику вот перечитываю... – он замолчал, застыв, только светлые ресницы помаргивали, – совершенно невозможно описать это строго... ничего не определяется прямо, все через какие-то несчастья, через нарушения целого... никаких очевидных интегральных закономерностей. Очень странно! Ты не думала об этом? Ты думаешь, это несерьезная задача?

Дверь скрипнула аккуратно, Иван Данилыч заглянул вежливо и вошел. Судя по блеску глаз и деликатности, с какой двигался, похмелившийся:

– Можно? Здравствуй, Георгий Иванович, здравствуй, Катюша. Я на минутку, ребята, по-соседски, вот занес деньжата, вчера брал у Иры.

Ивану Данилычу было шестьдесят, он никогда не бывал пьяным, но частенько поддатым – работал столяром, и с ним обычно расплачивались самогонкой. Две сотенные бумажки на столе расправил.

– Проведать... Как живете? – Подержал-погладил Катю

любовно большой рукой с пальцем, замотанным серым запыленным бинтом.

– Садитесь, Иван Данилыч, – Катя встала, освобождая табуретку.

– Что ты, золотце мое, я на минуту, отдать только, у меня там работа разложена. День сегодня хороший будет! – То ли предупредил, то ли предложил вместе порадоваться сосед. – Ну, давайте, ребята, не буду мешать.

Он приподнял затертую кепку, попятился к двери и чуть не наступил на коротконового уличного бобика, заглядывавшего в приоткрытую дверь. – От, ты беда, ты куда? – Иван Данилыч присел, погладил кудлатого и репьястого пса по спине и, взяв его поперек под мышку, шагнул на улицу. – Ну что же ты, к Шарику в гости шел? – слышался удаляющийся благодушный голос.

Отец недоверчиво наблюдал, как Иван Данилыч переставляет по земле ноги. Казалось, хочет понять, как это происходит, и сейчас попытается сделать так же. Худощавое, строгое и умное лицо его было напряжено.

Сидеть ему было больно, ходить же в туалет или помыться самостоятельно не мог совсем, стеснялся даже жены и тихо страдал. Отцу было всего сорок восемь, он слабел без движения и старился на глазах.

Едва затих неторопливый басок Ивана Данилыча, брякнула щеколдой уличная калитка. С большой сумкой в руках в кухню вошла мать Кати, Ирина. Глянула на своих и стала

молча разбирать сумку. Небольшие, по-мужски крепкие руки уверенно и привычно решали, что в морозилку, что в холодильник или в шкаф. Продуктов было немного, под ними лежали копченые омули. В жирные коричневые брюшки вставлены распорочки, Ирина достала одну рыбину, обнюхала и, положив обратно в сумку, сказала Кате:

– Отнеси, развесь в сарае.

Ирина была главной в семье. Она никогда ни у кого не спрашивала, что делать, и молча тянула всех. Несмотря на троих детей, аккуратная, крепкая, почти не раздавленная, с острым взглядом и недлинным хвостом опрятно зачесанных волос. Когда-то красивые черты лица огрубели от жизни; всегда сосредоточенная, улыбалась Ирина редко, скорее из вежливости.

Всю жизнь проработала Ирина Рождественская бригадиром на Белореченском рыбзаводе. Она и сейчас работала на рыбзаводской коптильне – единственное, что осталось от большого когда-то, всесоюзного значения комбината. Платили так мало, что не понятно было, зачем она туда ходит – столько же она получала продуктами – мыла полы в магазинчике местного коммерсанта.

С весны до осени Ирина уходила в пять утра – принимала рыбу у рыбаков, солила ее с бабами в больших чанах и, убравшись в магазине, успевала вернуться домой к половине девятого, как раз, чтобы отпустить на работу Катю.

Вечером, в окне уже засинело, Ирина доваривала щи.

В кухне вкусно пахло пережаренной заправкой. Большая кастрюля тихо булькала на плите.

– Здравсьте, тетя Ир, – Настя Еремина, племянница и известная в городе красotka вошла в летнюю кухню в шлепанцах с большими помпонами и сощурилась на свет лампочки быстрыми красивыми глазами.

Юбка – выше некуда, совсем не скрывала стройных, загорелых ног, с длинной, уже зажившей ссадиной на ляжке, изпод короткой фиолетовой маечки выглядывала весело-наглая дырочка пупка. – Катька дома?

– У кроликов убирает. – Ирина штопала локоть мужниного свитера, иголку вставляла, щурилась и отодвигала руки.

Андрюшка, такой же белобрысенький, как и Настюха, увидев девицу, встал от своей машинки и вперился в нее с интересом.

– Ой, какой! – запричитала Настя, присела на корточки у порога и потянула к нему руки.

Андрюшка внимательно ее изучал, с места не двигался. Оба белобрысые до невозможности и оба красавчики, у Насти, несмотря на ее двадцать четыре, лицо было по-детски нежное, и ее решительные почти мужские интонации часто казались просто забавными.

– Прямо двойняшки! – сказала без улыбки Ирина, перекусывая нитку.

– Ой-ёй-ёй! Иди ко мне, ты мой хоросый! Ну! – Настюха раскрыла руки с тонкими ладошками.

Но видна была в Настькином тоне какая-то подозрительная неисправность. Андрюшка прямо по-стариковски не обратил на протянутые руки никакого внимания, снова присел к своей «Феллали» и «поехал» в гараж за рукомоёйник.

Настя была настоящая природная блондинка. Лицо светлое с тонкой, чуть ли не прозрачной кожей, с идеально вычерченными линиями серо-голубых глаз, бровей и аккуратного носа. Волосы всегда прямым пробором, с недлинной, не сильно ухоженной косой или с двумя косичками. К такому бы лицу да мягкий, приветливый характер... Настя была иной. К природным достоинствам своим относилась с показным небрежением и принципиально не украшала себя никакими прическами или побрякушками, а губы красила только по большим праздникам.

Выросшая без отца, Настя как будто стремилась ко всему мужскому, бабских соплей терпеть не могла, дружила по большей части с пацанами, и это ее портило. Она часто делала, а потом думала, никогда, даже самой себе не признаваясь, что не права. Все это, понятное дело, совсем не шло к ней.

– Ты чего хотела? – спросила Ирина, раздергивая-расправляя рукав, оценивая работу. Она недолюбливала племянницу, как и Настину мать, свою двоюродную сестру.

– Катку с собой хочу сманить! – Настя скинула тапочки и села на табурет, задрав ноги. – В Москву собралась.

– Ты уж который год собираешься?

– Теперь всё, еду, надоели эти копейки!

– А там тебе приготовили...

– Ой, тетя Ир, никто не вернулся пока! Ты компьютер открой! Люди вон за границу едут насовсем, и ничего... Сьюкина пишет – пятьдесят тысяч уже получает! А она кто? Сьюкина-то?

– Написать можно, что-то мать у нее... на резиновые сапоги денег нет, в рваных-то в расколе постой! – Ирина поднялась с табуретки, повесила куртку на вешалку и стала наливать черпаком воду в кастрюлю.

– Официантом устроиться вообще не вопрос! От тридцати до семидесяти тысяч! И чаевые еще! Тьма предложений!

– Какие еще официанты? – недовольно нахмурилась Ирина, – не поедет она, здесь дел невпроворот! – Но глазами все же стрельнула Насте по лицу, сильно ли врет? – Что у тебя – подружек мало?

– Подружек много, да они дуры все, двух слов, блин, без мата связать не могут. А с Катькой мы все-таки сестры... – Настя застыла, наблюдая, как тетка черпает воду из фляги, – мало ли что, там английский очень ценится, а я его не знаю.

Помолчали. Настя все же малость побаивалась столицы. Ей не раз уже прямо снилось, как выходит она в Москве из поезда, а там кругом иностранцы, делегации, и москвичи с ними разговаривают запросто на их языках. А она стоит и ничего не понимает. И так весь сон неприятный.

– Тетя Ир, ты про водопровод слышала? И про канализацию тоже знаешь? В Москве это все есть! – Настя смотрела

с ехидством. – А мы здесь задницу соломой всё подтираем! Сколько уж можно? Отпустила бы ты Катю, с ее талантами она легко сто тыщ в месяц будет иметь! Что ты смотришь?! Там так люди живут! – она развела руки: – А я за ней при-смотрю. Вдвоем-то... Даже сорок тысяч возьми на первое время...

– Да что ты с твоими тысячами! Тут-то кто будет?! – Ирина недобро распрямилась на Настю, будто та и была виновата во всем. – Или не знаешь, как у нас...

– Ты что хочешь думай, тетя Ир, но у тебя Катюка через пару лет... – Настя смотрела пренебрежительно, даже высокомерно, фразу не заканчивала, будто не хотела обидеть. – А может, и быстрее...

– Что? В меня превратится?

– Хуже, тетя Ир, посадят вас обоих за вашу рыбу!

– А чего делать, племяшка, посоветуй?! Может, повеситься? За это денег не дают!

На этих словах в кухню вошла Катя, стряхнула с ног галоши и посадила на стол пухленький коричневатый с желтенькими пятнышками комочек. Цыпленок пробежал несколько шажков по выцветшей клеенке, замер у края, переступил неуверенно и осторожно посмотрел вниз, не очень понимая, что это и можно ли ему дальше.

– Это откуда? – не поняла мать.

– Рябая вывела, за кроликами в траве. На одном яйце сидела! – Катя присела к столу и осторожно вблизи рассматри-

вала пушистого птенчика.

– Что не согнала? – спросила недовольно мать.

– Не заметила, а потом поздно было. Пусть в коробке поживет? – попросила.

– Вот так она у тебя и будет цыплят... – Настя не подобрала слова, что Катя будет делать с цыплятами, и развела руками.

– Ты чего, Насть? Пойдем ко мне! – Катя осторожно поймала незаконнорожденного, посадила в коробку и шагнула из кухни.

Девчонки общались, поскольку жили через два дома. Если бы не это обстоятельство, скорее всего и не знали бы, мало чего общего было. Настя на четыре года старше, и жизнь ее в Белореченске совсем иначе текла. «В нашей Настьке ума нету, одна прыть!» – говорила ее язвучая баба Дина. Примерно так у Насти и шли дела.

Сели в комнате. Катя у письменного стола, Настя на кровать забралась, подушку под спину пристроила. Бровки свои ровные скривила строго, глядя на сестру, как на маленькую.

– В прошлом году поехали бы, вообще не вопрос был устроиться, а сейчас кризис, санкции-манкции – в Москве почти пятьсот ресторанов закрылись. Зато квартиру за копейки можно снять. – Настя говорила возбужденно, все продолжая спорить с Катиной матерью. – Ехать надо! Тебя же уволили!

Катя кивнула.

– А теперь и больницы вашей не будет, из нее стационар делают дневной, опять сокращают... – Настя ехидно подняла одну бровь, – ночных уборщиц, медсестер... кучу народа увольняют! Им там наверху все бабла мало!

– Ты откуда про больницу знаешь? – с тревогой спросила Катя.

– С бабой Диной ходила сегодня, а там ничего не работает. Из кабинета в кабинет ходят, обсуждают все. Надо валить отсюда, сеструха! Себя не уважать – тут жить!

Катя сидела, не шевелясь и не реагируя, думала о чем-то.

– Ну ты странная! У тебя работы нет... – Настя встала и подошла к окну. Вгляделась в слабо освещенную улицу.

– Не могу я ехать, Насть, мать здесь одна, – Катя покачала головой, – я поэтому и в институт не поехала.

– Ага, давай в институт! Врачей тоже сокращают! Надо... – Настя отвернулась от окна, сморщилась упрямо и уверенно, – надо к деньгам поближе, подруга! Просто и ясно!

Это был не первый их разговор. Катя раньше и не задумывалась никогда над Настиными мечтами, а теперь слушала как будто внимательно. Настя это видела и говорила с нажимом:

– Вообще не понимаю, как вы тут крутитесь? Федору много еще сидеть?

– Два года...

– И что? Деньги тянет с матери?

Катя не ответила, посмотрела только – что, мол, и спра-

шивать.

– Ну, да... все у вас... – Настя подняла на сестру жалеющий взгляд. – Дядь Жоре-то, не будут уже операцию делать?

Катя молчала.

– Вы же на очереди стояли? – не отставала Настя.

– Второй год уже на очереди, – пробормотала Катя.

Она посмотрела с тоской и хотела сказать что-то еще, но не сказала, а отвернулась в темное окно. Потом подняла вдруг хмурое лицо на Настю.

– Его до Нового года надо прооперировать, потом поздно будет. Раньше только сроки сдвигали, а в июле матери прямо сказали, что финансирование на такие операции совсем срезали. Предложили искать частную клинику, и чтобы какой-нибудь благотворительный фонд оплатил.

– Вот козлы! – зло прищурилась Настя. – У нас тут не то что... Какие, на хрен, фонды-монды! Тут вообще ни хрена нет! У нас глава администрации, придурок косоглазый, он только воровать умеет... Да водку жрать!

– Ну... – недовольно нахмурилась Катя.

– Чего ну? У тебя отец вон... погибает, можно сказать! А?! Получается, ему здесь хана! – Настя недоговорила, поджав губы. – Тебе надо ехать, Катька! Я тебе точно говорю! Вам деньги нужны!

Катя сидела, все так же напряженно глядя в никуда, нервно сжав кулачки на коленях.

– Что молчишь?

– Не заработать мне таких денег!

– Сколько?! – решительно и даже небрежно спросила Настя.

– В Москве операция от восьмисот тысяч стоит...

– Фи-фу! – присвистнула Настя ошарашено. – Восемьсот тысяч! Ни хрена себе! И ты еще думаешь... Вы вообще на что живете? На рыбу?

В комнате стало тихо, будильник тикал, Андрюшка громко разговаривал за стеной. Катя нервно вытерла платком глаза, но на них снова выступили слезы, губы у нее задрожали, она еле держалась:

– Ради Федора мать рыбу носит. Никогда такого не было, ты же знаешь! – Слезы потекли сильнее. – Сколько Федька ни попросит, она обязательно насобирает. Мы все в долгах...

– Да видно же, – Настя кивнула на подушку, – белье вон до дыр стерлось.

Катя глянула удивленно, сквозь белую наволочку в прорешках просвечивал зеленоватый наперник.

– Ехать тебе надо, тут и решать нечего!

– Я бы поехала, даже если бы мать не пускала. Но столько денег... – Катя замолчала, глядя мимо Насти, – я все перебрала! – Катя зло вытерла опять навернувшиеся слезы, еле держалась, чтобы не зареветь. – Отец... два года уже лежит! И я ничего не могу! Как столько заработать?! Я искала в интернете... можно продать какой-нибудь орган, я же здорова, у меня все органы в порядке! Но там все непонятно, я зво-

нила, какие-то люди странные... – Она отвернулась.

– Эй, подруга, ты что? Катюня, ты кончай это! – Настя с удивлением на нее смотрела. – Ты о чем думаешь? Хрень какая!

– Отец – хрень?! – Катя вытаращила глаза и, отвернувшись, прикрыла лицо.

– Всю жизнь слезомойка, – Настя уселась на колени к Кате, обняла за голову, поглаживая по спине. – Чуть что, уже ревешь втихушку, так нельзя...

Катя обняла Настю за пояс, уткнулась в грудь и уже, не сдерживаясь, заплакала.

– Ну ладно, ладно, заработаем как-нибудь. – Настя щеко-тала концом Катиной косы Катину шею и свой нос. – Я тебе помогу, мне много не надо, мне главное из этой дыры свалить! Никогда не вернусь!

– Я даже, знаешь, что думала? – Катя вытерлась совсем уже мокрым платком, глянула на него удивленно и бросила на стол. – Нет, правда, я разные способы искала... есть же порнографические, ну... – она брезгливо сморщилась, – сайты, студии... Там приглашают. Я смогла бы сниматься... Так, чтоб лица не было видно.

Настя с острым любопытством смотрела на сестру.

– Там трахаются все время... тебе что, нравится порнушка? – выдавила, наконец, весело прищурившись.

– Да нет же... – брезгливо отстранилась Катя, – гадость ужасная! Я нечаянно... – она сильно покраснела.

– А чего же ты, звонила туда? – не отставала Настя, снова перебираясь на кровать.

– Нет, я вообще всякое думала, чтобы денег заработать... – Катя успокаивалась, вздохнула судорожно, закусив губу, хмуро смотрела мимо сестры. – Даже думала наемником поехать, там платят много.

– Наемником? – переспросила Настя.

Катя ее не слушала. Вспоминала, застыв в одну точку.

– Ну да, наемником завербоваться, это же почти официально, я санитаркой могла бы, но у меня образования нет и возраста не хватает... Пишут, правда, что можно и без...

– Там же убить могут?!

Катя беспокойно, слегка сумасшедше как будто посмотрела на сестру, сама все думала о чем-то.

– Да-да, я читала переписку тех, кто там бывал... это ужасно, я бы не смогла ни за какие деньги. Даже если бы сказали, что, вот, убей одного человека, и твой отец сразу станет здоров... Я много думала об этом. Это как кошмар ночной, мне часто про отца снится. Как он выздоравливает...

– Ну и херни у тебя в мозгах, никогда не думала. Вот, тихоня!

Будильник все тикал в тишине. Мать в коридоре закладывала дрова в печку.

– Так что, сестра-наемница, едем или как? – спросила Настя безо всякого уже нажима и устало встала с кровати.

Катя молчала.

– Ну ладно, ты тут думай, а я точно еду!

Ни на другой день, ни позже, как, впрочем, ни разу раньше, Катя не смогла начать этот разговор с матерью. Дел было так много, что у нее язык не поворачивался сказать: мама, я в Москву... Да и не верила она в эти заработки. Последним местом ее работы была поликлиника, санитарка на полставки, семь тысяч рублей.

2

Они ехали на рейсовом автобусе из Иркутска. Был вечер субботы, солнце впереди низко висело над степными пологими холмами. Федеральная трасса М-53 «Байкал», связывающая два края бескрайней России, устало извивалась вдаль, превращаясь в нитку, по которой двигались точки машин. Автобус качало и подбрасывало на разбитом, каждый год латаемом асфальте, ехать было три с половиной, а то и четыре часа, и большинство пассажиров уже спали, только на заднем сиденье хохотала и дурачилась компания молодежи.

Мать сидела у прохода, она подсчитала выручку и задумчиво глядела то куда-то вдоль автобуса, то себе под ноги. Катя щурилась в окно, но ничего не видела, а воображала, как сдает экзамены. Два года подряд она готовилась в мединститут в Москву, и это стало у нее привычной игрой. Когда нечего было делать, как сейчас, или когда не спалось, она выбирала предмет, мысленно входила в аудиторию, брала билет, сосредотачивалась и отвечала сама себе.

Учиться она хотела, ей всегда нравилось, и давалось все легко, и биолог и школьная химичка были в ней уверены, но, видно, не суждено было попасть в институт. В год окончания школы в мае родился Андрюшка, хлопот прибавилось, а в июле искалечило отца, и жизнь стала совсем трудной. В этом году она опять готовилась, но уже по привычке, ни на

что особо не надеясь, а скорее, стараясь развлечь отца, который лежа экзаменовал ее. Ситуация в семье становилась все хуже, и Катя никуда не поехала. Даже и разговор с матерью об этом не зашел.

Мать рядом неудержимо и нечаянно зевнула, так что слезы навернулись на глаза. Повернулась к Кате, вытираясь:

– На семь тысяч наторговали сегодня... – она опять сдержала зевок, – пятьсот отдала за место, шестьсот – сержанту, тысячу на автобус. – Мать нагнулась ближе к Кате и, улыбаясь, зашептала. – Да этот поддатый парень пять тысяч дал, а сдачу взял с тысячи.

Катя кивнула, но радости, что была на лице матери, не поддержала. Чуть растерянно на нее смотрела. Мать это увидела и нахмурилась:

– Он сам так... я ему сдачу даю с пяти, а он: «Проторгуешься, тетка!»... взял триста рублей и пошел... – мать, поджав губы, посмотрела на дочь, потом нагнулась к ее уху. – Ты видала, сколько у него в кошельке было?! – Она машинально пощупала-прижала к себе черную мужскую барсетку с деньгами и документами. – Ему ничего, а у нас больше десяти тысяч получилось в этот раз. В следующий выходной килограмм тридцать возьмем, даст Бог. Омуть с икрой весь... цены на рыбу везде растут, мы только, как дуры.

Катя согласно кивала головой. Замолчали. Мать опять о чем-то тяжело задумалась. Возможно о том, что дочь ее никогда не разделяла этих ее мелких радостей. Ездила по-

корно с ней на рынок и за прилавком стояла с такой вот тихой улыбкой. Она покачала головой и, вздохнув, повернулась к Кате:

– Иван Данилычу хочу хоть половину отдать. Он не спрашивает, а мы с зимы должны. – Мать замолчала, глядя мимо Кати куда-то в степь.

– Он позавчера приходил утром, двести рублей отдал, – вспомнила Катя.

Мать смотрела на нее, закусив губу, потом сокрушенно качнула головой:

– Мы ему сорок тысяч должны полгода, а он ходит у нас занимает... и потом отдает. Просит тут у меня займы... Я прямо красная сделалась, говорю, как же Иван Данилыч... а он – не переживай, Ириша, то деньги стратегические, если, говорит, околею, а эти тактические – в лавку пойду за поллитрой. И смеется еще.

Мать помолчала, продолжая думать о терпеливом соседе и рассчитывая свои возможности. Потом сказала решительно:

– В следующие выходные рыбу продадим, сразу отдам ему... сколько смогу. Надо отдать и все. – Она опять задумалась, нахмурившись. – Отцу анализы первого августа должны были сделать, уже сентябрь...

Солнце село, в автобусе стало темнеть, его все так же подбрасывало и качало из стороны в сторону, толстый мужик перед ними храпел громко и переваливался с боку на бок,

молодежь сзади притихла. Устали, видно. Или пиво кончилось.

– Ты когда-нибудь о деньгах мечтаешь? – спросила мать, глядя мимо Кати.

– Нет.

– А я... – мать доверительно склонилась к щеке дочери, – я только о них и думаю. Представляю, будто у нас их много... Вчера засыпала и увидела, как будто поплыла за грибами за реку, и прямо в лесу, на краю болота «Уазик» стоит, а в нем мешки с деньгами. Пятитысячные все. А водитель убитый. И я стою и думаю, куда же этого водителя девать... А потом долго уснуть не могла, придумывала, что соседям сказать про эти деньги. – Мать с искренним удивлением посмотрела в глаза дочери. – По-настоящему придумывала, как людям наврать. Так и не смогла потратить. Их так много было, что я не понимала ничего... привыкла – сто рублей да пятьсот, ну тысяча, а там много было... целый мешок с красными пачками. – Мать растерянно потерла подбородок. – Даже отцу за операцию не смогла заплатить. Заграница какая-то привиделась, и меня спрашивают: откуда у тебя, тетка, столько денег? И смотрят! За Федора понесла, они деньги взяли и хохочут: ворованные, говорят, хочешь, тебя рядом с сынком определим! Очнулась от этого сна – мокрая вся! Я, наверное, с ума уже схожу. А? Утром проснулась и вспомнила про мужика убитого в том «Уазике». Я ведь его в болото утащила, и он там утонул. А у него дети, наверное, жена...

– Мам, – Катя чуть заметно улыбалась, – это же сон, ты, наверное, сериал смотрела...

– Может, и сон... а может, я на самом деле такая... деньги уже дороже людей стали...

Она закрыла глаза и откинулась на спинку. Но видно было по лицу, по рукам, напряженно сжимавшим потертую барсетку, видно было, что не спит. Катя отвлеклась от своей биологии, солнце село, за окном стало серо и холодно. Мать вдруг открыла глаза:

– Два года назад все было нормально, Федя в Иркутск поступал... он такой умница, он бы поступил... тебя в Москву собирали... Мы с отцом горевали, что вдвоем останемся с Андрюшкой. Где все это?

К дому подходили уже ночью. На бряканье калитки отец открыл дверь летней кухни. Выглянул радостно и виновато:

– Девушки наши... как раз мы вам нажарили!

Ирина подозрительно посмотрела на мужа.

– Ты зачем это? – спросила тревожно. Из кухни на весь дворик вкусно разносился запах жареной картошки с луком.

– Да ничего, Ира, мне Андрюша помогал... – Руки отца крепко сжимали колеса каталки, на лбу выступили капельки пота, – устали?

– Что случилось? – Ирина остановилась и в упор смотрела на мужа. – Говори, Жора!

– От Федора приезжали... опять письмо тебе, – лицо отца из нарочито-веселого каменело.

На газовой плите еще шипела картошка в сковородке, картошка же была разбросана вокруг конфорки и на полу у плиты, видно непросто далось отцу жарить из каталки. Мать машинально замела все веником в одну кучку, села к столу и раскрыла письмо.

«Мама, здравствуй, я под следствием, обещают добавить пять лет и перевести в другую колонию. Приезжай, поговори с начальником, он триста тысяч обозначил, он злой на меня, а тебе должен сбавить. Приезжай, поговори сама с ним. Привет Кате, Андрюшке, бабуле и отцу. Федор»

Мать одна сидела в летней кухне. Письмо на коленях. Взгляд в темном окне. Катя занесла осторожно сумки. Дверь прикрыла.

– Вот и отдали Иван Данилычу... – немые слезы текли по мокрым щекам.

Появление Кати вывело ее из оцепенения. Она склонилась к столу, закрыла ладонями глаза, еще сильнее нагнулась, втянула голову в плечи. Давила тяжелые рыдания, но они прорывались и вскоре мать уже ойкала произвольно, задыхалась, рука судорожно комкала бумагу:

– Ой-й, за что такое? Ну, за что-о-о?! Что я не так делаю?! – Она выронила письмо и вцепилась себе в волосы. – Я морду этого начальника видеть уже не могу, ну откуда у меня деньги! Они же сами наркотики в зону приносят! Федор говорил, ты же помнишь?! Помнишь?! Господи, ну к кому я могу пойти?!

– Мама! – Катя сделала шаг к матери, но не дошла.

Замерла неловко среди кухни с сумками в руках, в такой же нелепой позе, как и вся эта неразрешимая и дикая история. Возможно, что Федор и нарушил какие-то тюремные правила, но скорее, он опять проигрался в карты, и ему нужны были деньги. Федор жил одной жизнью с теми, кто его охранял – они использовали его, а он – их. Это было давно понятно, но с матерью это нельзя было обсуждать. Ирина сидела, чуть склонив голову и глядя бездумно в угол кухни, где валялись Андрюшкины игрушки. Подняла на дочь тяжелый некрасивый взгляд:

– Видела этих сегодня на рынке? – Она пристально и почти зло смотрела на дочь, продолжая серьезно думать о чем-то. – Можно было б пойти блядовать, я бы пошла! Я давно уже всю душу со всеми потрохами продала, о чем уж жалеть...

Катя осторожно села на стул. Они долго сидели молча. Ирина думала о чем-то напряженно, потом с интересом посмотрела на Катю. Взгляд осмысленный вдруг сделался. Она отвернулась в сторону, на стол оперлась, посидела так и сказала тихо и твердо:

– Уезжай отсюда, Катька. Мы здесь хуже скота! И ты такой станешь. Родилась ты, умница такая ... нельзя тебе здесь.

– Мам, ну что ты говоришь? – Катя присела к коленям матери, заглянула ей в глаза.

– Я серьезно! – Мать решительно нахмурилась сквозь

накатившиеся слезы, положила руку на голову дочери. –
Учиться езжай!

– Ладно, мам, в этом году уже поздно, вот полегче станет...

– Легче не станет! – отстранилась мать. – Управимся как-нибудь, мать помрет, дом ее продадим. – Ирина замолчала, задумалась на секунду. – О Федоре не думай, это моя беда! Да не в Иркутск, в Москву езжай, может, хоть там люди как люди живут...

Петух неурочно проорал коротко в ночи и замолчал, снова тихо стало, только муха билась и билась, и жужжала по стеклу.

– Я когда-то так гордилась твоим отцом... – задумчиво проговорила Ирина. – Все девчонки завидовали, что я вышла за Жору Рождественского. Он активный был, в комсомоле чем-то руководил, спортсмен, во всех сборных играл. Школу с золотой медалью окончил! Потом университет... – Ирина будто очнулась, – и дети умные получились, я так радовалась всегда! И ты, и Федор, считай, на одни пятерки учились... – усмехнулась горько, – а тебя еще и любят все.

Ирина замолчала. Потом подняла на дочь грустные глаза: – Вдруг выбьешься. Нам больше и надеяться не на кого...

Дверь тихо скрипнула, это был отец, он шире распахнул ее и вкатился через порог. Достал очки из очешника. Надел.

– Я прошу прощенья, но я все слышал... езжай, Катя, это правильно, на следующий год поступишь. Мы тут с матерью

перебьемся. – Отец пытался улыбаться, но смотрел твердо.

Замолчали. В кухню вошел Андрюшка. Тер кулачками глаза, зевая сладко, лег к матери головой на колени.

– Что с Федором, думаешь? – спросил отец.

– Поеду завтра в колонию, упаду в ноги, может, отступится... – Ирина замолчала, раздумывая о чем-то, гладила Андрюшку по голове, – а скажет... подол задрать – задеру! Прости, Жора, такая уж жизнь! – она прямо смотрела на своего мужа.

– Не сделаешь ты так! – нахмурился отец, – зачем это?!

– Сделаю! – мать смотрела серьезно, – этот начальник давно на меня косится.

– Мама! – Катя опять присела и прижалась к матери, обнимая Андрюшку.

– Калтоска! – Андрюшка вспомнил, видно, бросил мать, отпихиваясь, освободился от рук сестры, подтащил табуретку к плите и, ловко забравшись, показал всем сковородку и объявил радостно и звонко: – Калтоску залили! Десять стук! Лас, два, тли, чetyле...

Катя не спала всю ночь, а утром, уставшая от слез, позволила Насте.

3

Девчонки стояли у лифта, как оплеванные. Дорожные сумки, покупки у ног, из пакета, что держала Настя, торчали два золотых горлышка шампанского. Курицей-гриль пахло на всю лестничную клетку. Катя смущенно поглядывала то на подругу, то на дверь, куда их только что не пустили и откуда выставили вещи.

– Ни хрена себе, подружка, блин... даже не сказала ничего! – Настя, громыхнув бутылками, решительно поставила на пол пакет с гостинцами, выпрямилась и подняла нахмуренный взгляд на Катю. – Живите, сколько хотите! А?! Ну и хахаля себе Суюкина оторвала... – растерянность все более овладевала лицом Насти, видно было, что у нее нет никаких вариантов насчет их сегодняшнего вечера и ночлега, – он и ее выгонит! – кивнула в сторону двери.

За высоким грязным окном подъезда чернела осенняя московская ночь, дождь струился по стеклам. Девушки были мокрые, целый день гуляли по городу, вернулись с покупками, едой... и вот теперь им надо было куда-то идти, ехать... где-то ночевать. Денег на гостиницу не было.

Соседская дверь металлически залязгала запорами, приоткрылась вороватой щелью и замерла. Катя, стоявшая к ней спиной, повернулась и виновато, и насколько можно весело, улыбнулась. Немолодая соседка, в пожеванном халате и с та-

ким же лицом, приходившая два дня назад скандалить, не мигая, смотрела в щель.

– Ну и что не видела? – Взгляд красивого Настиного лица тоже заострился крысиным штычком, не обещая ничего хорошего. – Вот, выгнали нас, радуйся давай! Пойдем! – подтолкнула замеревшую Катю и, нажав кнопку лифта, стала набирать вещи в руки.

– Давно пора, сучки деревенские... – сипло прошипела дверь и сузила щель.

– Кто тут деревенские?! – Настя грозно развернулась от лифта.

Щель быстро исчезла, замок клацнул торопливым оборотом, женщина замерла за дверью, слушая ответ. В глазок, наверное, смотрела.

– Ты! Московская! – загремела Настя на весь подъезд, – ты в зеркало глянь?! Ты ведь и на сучку не похожа!

– Это я не похожа?! Ха-ха-ха! А ты похожа?! Езжайте, езжайте! – Слышалось глухо, визгливо и радостно, казалось, она там пляшет от восторга.

Подтянулся, залязгал дверцами лифт, Катя, с полными руками, вошла внутрь. Щеки потемнели от прихлынувшей крови, но глаза поблескивали по-прежнему весело. Настя, с перекошенным лицом, обернулась что-то ответить, но не нашлась, сверкнув глазами на подругу, решительно сунулась в лифт со всем добром. И споткнувшись: «А-а-а!!!» – грохнулась лицом в грудь присевшей ловить ее Кате. Загремели

бутылки, освободившиеся дверки захлопнулись, и лифт стал подниматься наверх.

Настя выправилась, они расхохотались, обнимаясь невольно.

– Ой, хорошо у тебя титьки большие! На себя падала б, лоб разбила бы! – стонала Настя от смеха.

Двери открылись. На них безразлично и озабоченно одновременно глядел мужчина с большим животом, в золотых очках и с гладкими щеками. Маленькая собачка на руках выглядела, как бант на груди. Живот же был так велик, что если бы мужчина вошел в лифт, задавил бы девчонок.

– Ого!!! Занято, дядя! – нагло выдала Настя в лицо толстяку и нажала на кнопку первого этажа.

Они поехали вниз.

– Дядя Вася, я снялася, – бормотала Настя, присаживаясь и ощупывая свои туфли. – Блин! Катька! Всё! Каблук сломала!

Доскакала на одной ножке до лавочки у подъезда. Сняли сапог с маленькой Настиной ножки. Высокий каблук отклеился и висел на коже, идти было нельзя.

– Та-ак, – Настькины щеки были малиновые от злости, – все из-за суки этой! Ну, блин, Москва! У меня других нет. Только кроссовки старые.

Из подъезда вышел пузан. Песик на тонком красивом поводке путался в ногах, дрожал высокими ножками и поглядывал на дождливое небо умными испуганными глазами.

Дядька, пытаясь увидеть кобелька, заглядывал то вправо, то влево вокруг живота, но не видел его.

– Э-э-э, нет ли у вас... вот... – Настя говорила пришибленным голосом и показывала испорченный сапог, – клея нет у вас?! Мы не местные...

Мужчина, опасаясь наступить на собачку, все поддегивал поводок, подошел осторожно, как к заразным, и бессмысленно пожевал губами. Возможно, это должно было означать вежливость, по лицу же его было видно, что он очень занят и вообще не знает, что такое клей. Нахмурился озабоченно через очки.

– Гм-гм, Фарфалло? – дернул поводком. Пес стоял на задних лапках и скреб штанину, просился на руки. – Фарфалло, сделай пи-пи, детка! Он не пописил? – Толстяк просительно поглядел на девчонок. У всех были свои проблемы.

Настя брезгливо отвернулась и, устав стоять на одной ноге, опустила на лавку.

– У тебя кроссовки глубоко? – Катя стала расстегивать Настину сумку.

Настя достала сигареты, взяла последнюю и, по-мужицки скомкав пустую пачку, бросила в сторону урны.

– Все, и курить больше нет, – чиркнула зажигалкой. – Куда поедет-то?

4

Две очень симпатичные девушки сидели на изящно выгнутых холодных металлических лавочках в зале ожидания Ярославского вокзала. На этот вокзал они приехали несколько дней назад из Белореченска. У ног сумки и пакеты с накупленными московскими шмотками.

Москва покрутила их в своем сверкающем промывочном лотке и, не обнаружив золота, выплеснула обратно.

Вокзал, по приезде показавшийся дворцом блистающим, выглядел холодно и неудобно. Высокие потолки, модерновый дизайн, да и все устройство как будто предлагали не задерживаться здесь. Пассажиров было немного, свободных мест полно на скамейках, но от всей этой равнодушной современной красоты и удобств почему-то делалось тоскливее, чем даже просто под пасмурным небом.

Четыре дня назад девчонки были счастливы через край. Вытащив из вагона тяжелую сумку и грохнув ее на асфальт, Настюха растопырила руки, не обращая внимания на обтекающую толпу, завопила своим тоненьким наглым голосом: Ну, столица, смотри у меня! И сделала не сильно приличный жест.

Всю дорогу в поезде Настя составляла раскладки – она ехала заводить свой бизнес, делать карьеру какой-нибудь секретарши в банке или крутой иносфирме, или наконец мож-

но было выйти замуж за крутого... выбор был велик, подходило все, что показывали по телеку! Надо было торгануть своей красотой на всю катушку, и что-то из задуманного, не сомневалась Настя ни минуты, очень даже должно было срабатывать.

Счастливые от свободы, растревоженные новой жизнью, охватившей их со всех сторон, они поселились у Ольги Суюкиной, Настюхиной однокашницы, третий год уже жившей в Москве. Квартира была на окраине, однокомнатная, Суюкина обрадовалась, раскричались на лестничной клетке, побежали в магазин – вина накупили, просидели до утра и даже всплакнули раз несколько. Всё вспоминали безмятежную жизнь в привольной Сибири. Ольга ругалась на кризис, на санкции, на иностранцев, сворачивающих бизнес в России, и тут же хвасталась несметными московскими возможностями, блатной работой, легкими и большими заработками, которые были еще год назад, рассказывала случаи, когда человек за полгода поднимался до трехсот тысяч в месяц. Девчонки слушали про московские трудности и не слышали. По сравнению с Белореченском... Если так все плохо, возвращайся, – хохотала Настя, – будешь грибы сушить и на трассе продавать! Катя тоже улыбалась, вспоминая красивые дома, больнично-чистые тротуары в центре, роскошные витрины, потоки машин, в которых совсем не было «жигулей», а еще сверкающие вечерние лимузины, театры, рестораны... и тоже не верила Суюкиной.

Москва ошеломила, за эти дни они ничего не успели сделать. У них было припасено несколько адресов с недорогими квартирами и куча предложений по работе, но все эти почти за так сдаваемые квартиры оказались липой. Они заехали в одну риэлтерскую контору и прозвонили несколько адресов. По работе даже не звонили. Зато две обзорные экскурсии по всему городу проехали, в ГУМе-ЦУМе были, на Арбате, на Тверской по витринам рты поразевали, на Красной площади гуляли. Настя кайфовала по полной, у нее на радостях расходные деньги кончились и пошли уже отложенные на квартиру. И тут Ольгин хахарь, с кем она впополам снимала квартиру, выставил их за дверь. Трезвый. Без предупреждения. Надоели и все, идите на хрен! Езжайте в свой Мухосранск!

Переложились. Растолкали в дорожные сумки вещи из пакетов и дотащили их до кафе. Взяли чаю, поели холодную курицу-гриль, что покупали в дом Сүйкиной, шампанское открывать не стали. Бутылки теперь только неприятно громко брякали друг о друга и об пол, да оттягивали руки. Снова сели на лавочки. Зал был просторный, длинные ряды новеньких, не порезанных и не ободранных еще кресел стояли в центре, вокруг закрытые на ночь магазинчики, да несколько заведений: трактир, чайхана и бистро.

После часа ночи народ попритих, полицейские пару раз прошли, рассматривая, у кого-то проверили документы. Последний раз встали втроем напротив девчонок, один нагло

стал их изучать, другие тоже поглядывали и улыбались между собой. Молодые совсем, лет по двадцать пять. Настя, отвернувшись, достала старые билеты, так, чтобы они видели, повернулась к Кате и, тыча пальцем в билеты, зашептала:

– Сейчас привяжутся, козлы, – сунула билеты в сумочку и снова улеглась на плечо Кате.

Полицейские удалились неторопливо. Три проститутки поднялись с первого этажа на эскалаторе. В коротких юбках, распахнутых декольте, покрашенные. Толстуха в зеленых колготках, шедшая последней, с вызовом глянула на девчонок.

– Видала, лярвы! Разделись... – Настя внимательно провозжала их глазами. – Слушай, а где они работают? Может, в комнате матери и ребенка?

Проститутки стояли у рамок металлоискателя и спокойно о чем-то разговаривали с полицейскими.

– Клиентов нет и ментяры сойдут, – улыбалась презрительно Настя... – Черная юбка с зелеными колготками! Прикинь!

– У нас утро. – Катя смотрела на часы. – Мать уже встала, она сегодня к Федору едет. Ты по дому скучаешь?

– Нет, – отмахнулась Настя, – у меня баба Дина одна, чего мне скучать, я ей звоню каждый день...

– Отец почти не спал перед моим отъездом. – Катя виновато глядела на сестру.

– Знаешь, что?! Я никогда не буду скучать! Никогда! Вот

я... Нет, ну совок, короче, чего говорить! – Настя заводилась. – Ты видела, как здесь?! А там?! И почему я именно там должна жить?!

Катя молчала.

– Прямо перед нашим отъездом в администрации встречу устроили с молодежью. Ну мы с девчонками пошли для прикола. Школьников в парадной форме нагнали! В президиуме – глава администрации, замы его, по культуре, по воспитанию молодежи, ну все, короче! И давай свою туфту гнать – про грязь на улице кто-то спросил, мол, мусор в центре, урн нету, никто не убирает. А глава встает так, улыбается, будто он всем брат родной... – а вы сами-то не сорите, товарищи, – Настя изобразила главу администрации, страдавшего косоглазием, – и тех, кто сорит, укоряйте. Оперотряды, говорит, создавайте, с грубостью и хамством боритесь! И давай свою песню без остановки! Идиот косой! А школа? – ему школьники вопрос задают: когда, мол, школу новую закончат? Восемь лет мимо фундамента ходим! Он, – Настя опять скосила свои голубые глаза к переносице, – тут виноваты, товарищи, с плохой организацией заключили договор, сейчас ищем нового подрядчика. А-а?! Восемь лет на нее деньги выделяют и сами воруют! Ему хоть ссы в глаза, все божья роса. И все сидят и молчат! Это что такое? Почему я там должна жить?!

– Да я не про это... – Катя улыбнулась растерянно, – я про отца думаю... Не получится, наверное, мы тут ничего не знаем... Точно, что дурочки деревенские...

– Ну ладно, почему дурочки?! Все нормально будет. Устроимся, мы же еще не искали... – Она задумалась на секунду, потом зевнула, прикрывая рот рукой. – Куда завтра пойдём?

Не спалось, время тянулось медленно, в полтретьего ночи опять сели в чайхану за приятные новенькие столики из серого пластика. Посетителей не было. Смуглый симпатичный буфетчик яркой восточной внешности подошел к ним, молча вытер и без того чистый стол, они ничего не заказывали, просто следили за его движениями, и он не стал ничего спрашивать.

– Давай хоть чаю возьмем, неудобно... – предложила Катя, когда парень вернулся за свою стойку.

– Перебьется! Тут чай по цене коньяка, небось! – Настя достала большой ежедневник, оттуда выпала газетная вырезка. – О! видела?

– Что? – Катя взяла вырезку.

Газета была на серой бумаге, на снимке плохого цвета изображена девица в купальнике.

– Вот, бабеч приехала из Черемховского района и выскочила за миллионера! На Рублевке живет! Вон, смотри тут дом ее... – показывала Настя.

– И что?

– Да ты посмотри, какая корова?! И морда, глянь, да еще губы себе раздула. У нас таких пацаны по посадкам таскают, когда сильно пьяные. Представь, если бы меня этот милли-

онер увидел! – Настя кокетливо склонила голову к плечу и стрельнула глазами.

– Ты красивая, – согласилась Катя.

– А то! И ты не дурнуха! Мы тебя еще пристроим, Катюня! Миллионеры и таких тихонь любят!

Она полистала ежедневник:

– Так... Что у нас? Однушки за пятнадцать-двадцать в центре – забыли!

– На окраине тоже, – добавила Катя.

– На окраине – то же, – Настя вычеркивала ручкой. – Хорошо, не купились... Не, ну совсем лохов ищут. Ты им предоплату, а они тебе хрен с маслом! Ты им деньги на оформление документов...

– Насть, не кричи так, – чуть нагнувшись к сестре, тихо сказала Катя.

– А чего?

– Этот парень все время на тебя смотрит. – Катя показала глазами на буфетчика.

– Киргиз-миргиз? – обернулась Настя, – пусть смотрит, от этого не беременеют. Слушай, ну эти риэлторы! Тут же просек, что у нас нет таких денег. На твою куртку только глянул, она, кстати, тебе мала, сразу все понял! – Настя решительно перечеркнула что-то в ежедневнике. – На залог и месячную оплату нужно не меньше сорока тысяч, у нас их уже нет...

– Чайку будете? – возле них стоял и сладко улыбался буфетчик. – Без денег?

– Спасибо, не надо, – испуганно улыбнулась Катя.

– Давай! – в один голос с сестрой распорядилась Настя, и они поглядели друг на друга.

– Давай, давай, – подтвердила Настя.

– У меня дэвушка такой же, как ты! – весело и наивно засмеялся официант, двумя раскрытыми ладонками показывая на Настю, – только волосы черные! – и он пошел к буфету.

– И этот врубается, что у нас денег нет, всем про нас всё известно!

Официант вернулся с чайником и чашками.

– Ты киргиз? – спросила Настя.

– Нет! Таджик! – с удивлением и гордостью ответил официант.

– Давно здесь работаешь?

– Второй год. А вы... не такие девушки. – Непонятно было по его наивно улыбающемуся лицу, спрашивает он или утверждает.

– Не какие? – насмешливо и с вызовом спросила Настя.

– Нэ такие, как те, в носках... – показал таджик на зал ожидания и радостно заулыбался.

– Кто ее знает, какие мы девушки? А, Катюха?

Часы на табло показывали три часа ночи. Два полицейских с лейтенантскими звездочками, один коренастый, другой шуплый и лопоухий, подошли к буфету. Коренастый картинно оперся локтем о стойку и повернулся к девчонкам:

– Что окучил уже, Сапар? Смотри, мы – первые! Мы их давно подсекли, да, девчонки?! Чего кислые?

– Лимонов объелись! – не задумываясь, по привычке съязвила Настя.

– Перестань, – шепнула и сжала ее руку Катя.

– О! Боевая, мне такие нравятся, – коренастый смотрел на Настю не мигая, говорил, почти не открывая рта, и видно было, что он что-то решает. Или делал вид, что решает. – Ты откуда будешь, блондиночка? Документы... а пойдете-ка с нами, у нас ориентировочка имеется. Блондинка и потемнее! Пройдете!

Коренастый подошел вплотную. Катька вцепилась в Настин рукав.

– Встали, провинция, чего смотрим!

Рация на его нагрудном ремне заговорила неожиданно и неразборчиво. Он снял, отвернулся, прибавляя громкость:

– Слушаю, второй!

– На шестую платформу! Быстро! – рявкнула рация.

– Все! Приняли!

Лопоухий лейтенант, что все время молчал, сразу пошел к выходу.

– Так, здесь нас ждете! – приказал девчонкам крепыш, – документы... Сапар, башкой за них отвечаешь, чайком их напои за мой счет. – И он косолапо побежал догонять товарища.

Сапар проводил его глазами.

– Вам идти надо, чай пейте и идите, – он, соображая что-то быстро, затряс своим чубом, – не надо с ними ходить!

– Ладно, чего ты разволновался? У нас документы в порядке. Мы студентки, поступать приехали, – соврала Настя. – Слушай, а ты где живешь?

– В общежитии.

– В каком? – обрадовалась Настя, – там мест нет? Нам бы на пару ночей?

– Нэ-эт, – развеселился вдруг Сапар, – там вам нельзя. Там одни мужики такие-всякие! Ой-ой! Вещи нэсите в камеру хранения, там Камиль работает, пусть деньги не берет, скажите, Сапар просит, и на Казанский идите, здесь не надо.

Они сдали вещи в камеру хранения и вышли на улицу. Моросило. Редкие машины проносились по широкой пустой площади, подымая в желтый свет фонарей шлейфы водяной пыли. Пошли просто так, Настя взяла Катю под руку. Какие-то магазинчики еще работали, они заходили погреться, подсохнуть, рассматривали витрины, Настя все сравнивала цены.

– О, смотри... отель? – Настя ткнула пальцем в объявление «Хостел от 300 рублей. 300 метров!»

В хостеле хотели по тысяче рублей с носа, дешевых номеров уже не было, или их «разводили». Девчонки, поджав губы, развернулись.

На Казанском вокзале было полно утреннего усталого и мрачного народа. Они нашли два места на проходе, холо-

дом тянуло по ногам. Девчонки прислонились друг к другу через железный поручень. Позевывали от усталости, но не спалось. Про завтра они все уже переговорили.

– Кать, не спишь?

– Нет.

– Я про этих ментов подумала... завели бы к себе, я думаю, у них должны быть комнаты такие под вокзалом, где ничего не слышно. Затащили бы нас туда и привет! Беспредельщики они, что у нас, что тут! – Настя широко и судорожно зевнула. – Трахнули бы, там их сколько народу? Мне Юлька Карамышева рассказывала, знаешь же ее? На год старше тебя, в «Б» училась, она после восьмого в Иркутск уехала к брату...

Катя кивнула.

– Она... короче, там ее брата могли посадить... ее трое ментов полночи утюжили.

– Что? – не поняла Катя.

– Что, что?! И так и сяк ее ставили. Втроем, говорю трахали!

– У нас? – Катя смотрела тревожно.

– Да нет, где-то на даче под Иркутском, она девка, красавица... да ты помнишь ее?

– Помню, – Катя села прямо, – она тоже танцами занималась.

– Ну, вот, это она! Втроем, бухие! Короче, они специально все подстроили... Брата сразу выпустили, он вообще не ви-

новат был. У него магазинчик был на рынке, а Юлька у него работала... – Настя помолчала. – А что сделаешь? Не дашь? Брата посадят! Они бы ее все равно трахнули, специально так все подстроили. Такая уж видно у нее доля! Да?

– Не знаю. – Катя сидела напряженная.

Настя тоже села ровно, с интересом поглядела на сестру:

– А ты с Петькой своим жила?

– В каком смысле? – засмушалась Катя.

– Ну, в каком?! В таком! – Настя резко раздвинула ноги.

– Что ты болтаешь? – Катя еще больше покраснела.

– Да ладно? – не поверила Настя и вызывающе отстранилась. – Даже не целовались?

– Ну, хватит...

– Дак ты, правда, целка?! – уставилась на нее Настя.

– Хватит уже!

– А я думаю, что тебя пацаны так... Да-а-а! Ну ты даешь! –

Настя весело и недоверчиво смотрела на сестру.

Катя достала книжку из пакета. Раскрыла, но света было мало, и она ее убрала.

– Ладно, ладно, не буду. – Настя, примирясь, села поближе, обняла одну Катину руку и притянула ее к себе, – нет, слушай, неужели неинтересно? Что, тебя никогда не колбасило, что ли... – зашептала, – ну от какого-нибудь крутого парня?

Катя молча смотрела на сестру.

– А порнуха? – продолжала сладострастно Настя, – ты же

смотрела?

– Не смотрела!

– Как же?! Нет, ну я сейчас тоже редко смотрю, но вообще меня заводит конкретно! А ты же смотрела, ты мне говорила... Не, ну честно?!

– Видела, но не смотрела, мне противно!

– Ну, подруга, так не пойдет! Ты в Москве уже! Тут... гм... надо заняться твоим воспитанием. Ты так при виде мужской пиписьки в обморок рухнешь!

– Все, Настя! – Катя говорила тихо, но решительно. – Сегодня двадцатое, мы уже пятый день здесь!

Настя сидела, не слушая Катю, думала о чем-то.

– Ладно, не бойсь! Я завтра по ресторанам пойду – официанты везде нужны, кстати, во многих платят поденно.

5

Утром переоделись в вокзальном туалете.

– Убирались ведь недавно, полы вон еще мокрые, а вонь, как в конюшне, – громко сопела Настя в соседней кабинке, – еще по двадцать пять рублей взяли. Ты всё?

Катя не ответила, слышно было, как она застегивает молнию на сумке. Постояли перед длинным зеркалом. Настя расчесывала волосы и собирала их в пучок.

– Слушай, я как? Ничего? Морда не очень что-то! – Настя смешно посопела, проверяя нос, зубы выпятила ровные.

– Ничего вроде...

– Пойдем к Сапару чайку попьем? – предложила Настя, пряча косметичку, – ты чего смурная?!

– Надо сегодня обязательно устроиться. – Катя твердо смотрела на сестру. – Мои там совсем без денег.

Сапар разогрел остатки их курицы, добавил жареной картошки, йогурты и опять не взял денег. Все улыбался. Глаза темные, большие и блестящие, ресницы длинные.

– Сапар, ты похож на черного барашка, у нас у соседей был черный один барашек такой. Симпатичный! Глаза вот такие, как у тебя! – Настя засмеялась, вытерлась салфеткой и встала.

Они были очень разные. Она на полголовы ниже, веселая блондиночка с серо-голубыми глазами, он – темноли-

дый, с пышными волнистыми волосами, наивный, немодный чуб смешно возвышался надо лбом. Плечи узкие, лицо вытянутое, как с картинки из «Тысячи и одной ночи». Сапар улыбался простодушно и глуповато-счастливо, и все косил глаза на Настю. На ее сравнение с барашком потемнел слегка смуглыми щеками и от растерянности стал собирать посуду со стола, забрал Катину тарелку, хотя она не доела. Ничего не сказал. Но по взгляду видно было, что страдает. И рад, что Настя обращается к нему, и не понимает, почему смеется. С глупым бараном разве хорошо сравнивать...

Девочки разделились. Катя поехала в риэлторскую контору, Настя – искать работу.

Плана у Насти никакого не было, она просто вышла из метро в центре и пошла пешком. Погода была пасмурная и теплая, после бессонной ночи не охота было ни на какую работу, а хотелось в койку. Она села в скверике у метро наблюдать за москвичами, но взгляд ее почему-то сразу выделял приезжих. Они и одеты были как будто одинаково, с большими сумками, и двигались медленнее и неувереннее москвичей. Горбились, косолапили, озирались по сторонам, иногда смешно и свирепо ругались, размахивая руками, и мешали тем, кто торопился.

Больше же всего было азиатов – прямо Ташкент какой-то! И у них, и особенно в Иркутске их тоже хватало, но столько не было. Настя невольно хмурила серые глаза и чуть заметно качала головой – она ехала в другой город. В столицу. Будь ее

воля, она, конечно, убрала бы всех этих темных и узкоглазых с московских улиц.

Газет купила с объявлениями, аж четыре штуки, и пошла неторопливо, как настоящая москвичка. Ей это очень понравилось, даже улыбаться научилась снисходительно. Добродушно смотрела на спешащих мимо.

Так же солидно, прямо ощущая собственное достоинство, села в кафе с большими затемненными окнами до самой земли. Чтобы и улицу, и ее в этом окне хорошо было видно. Она впервые сидела в таком роскошном месте. И эта ее роль, и шик вокруг, вся эта новая жизнь... Настя прямо сдерживать себя заставляла, чтобы не разулыбаться, как последней дуры. Рассматривала свое отражение в окне и не видела ни старых высоких кроссовок с яркими салатовыми шнурками, которых тут никто не носил, ни китайских вареных джинсов и как следует уже потертой кожаной куртки. Видела только красивое лицо в светящемся обрамлении светлых волос. «Утро. Умный, благородный взгляд в окне. Одинокая красивая леди кушает в шикарном ресторане!» – вспоминала Настя собственные грезы, подсмотренные в каком-то кино. Грезы исполнялись.

Полистала меню, есть не хотелось, а кофе стоил, как десять буханок хлеба. Настя аккуратно проследила пальцем, к чему относятся цифры. Это был кофе, блин, ошибки не было. В Белореченске за такие деньги можно было полтора литра вина купить в пакетах или литр спирта у цыган. Чай

тоже стоил неслабо – сто двадцать рублей. Настя покосилась на публику. Мужик в шляпе, с шелковым кремовым шарфом на шее, сидел спиной и читал «Ведомости», две стильно одетые телки тихо, но оживленно разговаривали в углу. Часть столов накрыты белыми скатертями и сервированы, Настин же был без скатерти. Официанты в белых рубашках и черных брюках перетирали посуду за длинной стойкой, сверкающей полировкой и подсветками. Один улыбнулся Насте по-приятельски, как будто узнал, она отвернулась от неожиданности. Напряглась, не понимая, где она могла с ним видеться, поскребла нервно пальцем по столу, чувствуя какую-то совсем уж серьезную неловкость. Ей не хотелось никаких старых знакомых сейчас, да еще и цены эти – все было невпопад. Надо было выйти отсюда, она уже злилась на кого-то, может, и на себя... Вздогнула. Над ней чуть сбоку стоял тот официант.

– Выбрали? – Парень был незнакомый, с модной и дурацкой бородкой-косичкой, смотрел все так же, Настя расслабилась и снисходительно улыбнулась.

– Кофе! – небрежно, как в кино, шмякнула кожаную книжку меню на стол. Книжка проехала по лакированной поверхности и чуть не свалилась, парень поймал.

– Капучино, кафелатте, кафефреддо, эспрессо, ристретто? – произнес официант так быстро, что и не понять было, и тоже снисходительно.

Уже понял, козел, что денег у меня мало и что я из рай-

центра. Правильно было бы сказать, принеси, мол, милый, какой подешевле, или вообще попросить чаю, но получалось «в грязь лицом».

– Мне вот это! – заявила уверенно и потыкала пальцем в воздухе, высоко над книжкой, будто показывая нужную строчку.

– Кафефреддо? – уточнил официант.

– Ну! – косо усмехнулась на него Настя, чувствуя, как краснеет.

Дождик пошел сильнее, потек ручейками по стеклу, зонты раскрылись. Большие и не очень, черные, цветные... Зонты тоже спешили, но уже не так, цеплялись друг за друга, извинялись, выбегали на проезжую часть, заваливались набок, уступая дорогу или обгоняя. Этот нехолодный еще осенний дождик немного подружил людей, у них появилась уважительная причина, чтобы увидеть друг друга. И чтобы немножко опоздать на работу, прийти мокрыми, отряхиваться весело, извиняться и просить кого-то в офисе сварить кофейку.

Настя, опершись лбом на руку, подсматривала за девушками. Лицом к ней сидела симпатичная остроносенькая блондинка с простеньким пучком, лица другой Настя не видела. Та была брюнетка, тоже очень просто причесана и подколота, но на самом деле, Настя хорошо рассмотрела: самой такую прическу никогда не придумать. И одеты были так, что лучше не смотреть. Все на них было простое с виду и неброс-

ких цветов, но стоило, видно, кучу денег. Возможно, это были какие-то не очень пока известные актрисы или модели. Не красотки, кстати, но появившись они в Белореченске, ревниво прикидывала Настя, парни, как бараны, за ними толпами ходили бы.

Настя мысленно скинула с себя тяжеловатую, несвеже пахнущую чем-то кислым черную куртку, сняла кофточку и примерила с блондинки легкую, нежно-серую блузку с открытой шеей и ключицами, телесные бретельки лифчика доверчиво вели с плечей вниз. Настя подумала, что обязательно надо купить такой же бесцветный лифчик, а пока примерила чужой... сверху блузки надела короткую красновато-коричневую кожаную курточку, оставив блондинку совсем топлесс. Посмотрела на свое отражение в окне – ей не просто это шло, это была обложка журнала, от которой невозможно было отвести глаз! На блондинке были темно-серые брюки и такие же лакированные мокасины. Настя ничего не тронула, к ее стройным ногам лучше пошла бы короткая юбка, которая была на брюнетке. Сбросив кроссовки и джинсы, Настя надела юбку и высокие сапоги с узкой щиколоткой и низким каблуком.

Все так же мысленно встала, прошлась, одета она была шикарно, сидело все хорошо, но по снисходительно-вежливым взглядам официантов было понятно, что чего-то не хватает. Она еще раз внимательно рассмотрела девушек, которые мирно болтали, не подозревая, что одна из них голая

сверху, а другая снизу. Золота, украшений на них не было, разговаривали тихо, руками не размахивали, иногда только склонялись друг к другу или аккуратно трогали руки. Осторожно подносили чашки ко рту.

Эти чертовы куклы тут каждый день сидят, а я первый раз, – поняла Настя, – она раздала девчонкам их шмотки и, довольно шмыгнув носом, повернулась к окну. К своему отражению. Это пока единственное, что у нее было.

И к этому отражению в окне подходил парень. В модном плаще до пола, лет тридцати... Спокойный, уверенный, подходил, брал ее за руку и уводил! Когда она ехала в Москву и наблюдала в окно – в нем, кстати, тоже было ее отражение – скучные осенние сибирские степи, она прямо чувствовала, как приближается к этой главной своей мечте.

И вот она сидела в московском кафе, полдела было сделано, и ей одновременно было и радостно и досадно. Никто не то что не обращал на нее внимания, никто даже не входил в это чертово кафе. Она в который раз пыталась представить себе, какой он? Что-то безжизненное выходило: высокий, стройный, красиво причесанный и с мелкой небрежностью в одежде и движениях... этот парень был из бабских журналов. И, как и журналы, не имел никакого отношения к жизни. Она посмотрела на мужчину в шарфе, лица его не было видно, но по жирноватой, сутулой спине было понятно, что это совсем, нафиг, не то.

Кофе оказался холодный. Большой стакан был завален

льдом. Настя нахмурилась, и, глянув по сторонам, попробовала. Блин, ледяной был, а хотелось горячего! Она решительно отодвинула его в сторону и стала смотреть в окно.

Пока ей все нравилось в Москве. Более-менее. Хотя много непонятного было. Что же касается работы, то она не умела работать. У них с матерью даже хозяйства своего толком не было. Без отца выросла, мать всю жизнь простояла за прилавком в коопторговском магазине. Настя и в детстве от нечего делать помогала ей, и потом, когда выросла, иногда ее заменяла. Работа была несложной – стой, подавай товар, да деньги считай, но она ее не любила. Детской еще нелюбовью – хорошо помнила свои горящие щеки, визгливую ругань и ложь, когда мать обвешивала или обсчитывала.

Хотелось свое что-то: кафе или ресторан. Чтобы не надо было обманывать, чтобы там все было честно, она даже с матерью об этом говорила. Но та не слушала, мать вообще мало что интересовало в жизни. Все, что она зарабатывала, уходило на ее поганых молодежьких дружков. На стареющем лице, красивом когда-то, становилось все больше макияжа. Может, поэтому Настя и ненавидела краситься. Из-за этих мужиков – некоторые начинали липнуть к Насте в первый же день – она постоянно жила с бабушкой и с матерью виделась редко.

Думая о работе, она на самом деле думала о том, как иметь деньги. Их всегда не хватало, жили на бабушкину пенсию, мать иногда подбрасывала на шмотки, когда же становилось

совсем туго, шла на рынок на неделю-другую – хозяева торговых точек охотно брали ее за прилавок.

Этот ледяной кофе стоил дурных денег, еще за какую-то сервировку стола взяли почти столько же, у Настюхи уши покраснели от негодования.

– Понравился кофе? – спросил этот козлорожий разводила, когда она, неверной от злости рукой, выложила деньги.

Настя встала, в минуты возмущения на ее лице автоматом появлялось материно высокомерное и скандальное выражение:

– Ты откуда такой умный? Не из Иркутска, случайно? Что-то мне твоя рожа знакомая?! – Хотела добавить «сука», но перетерпела и, громко отодвинув стул, пошла к выходу.

Бросила в урну газеты, что так и не открыла, и просто пошла по старой московской улице с невысокими двух и трехэтажными домами, остро жалея о тупо потраченных деньгах и о том, что родилась в такой глуши. Дождик кончился, солнце проглядывало. Объявления о работе зазывали домработниц, нянь, мужчину-повара, уборщиц в офисы, в метро, в парикмахерскую. Это внушало кое-какой оптимизм, про уборщицу в офис Насте даже понравилось, она, конечно, ни за что не пошла бы, но – двадцать тысяч за уборку утром и вечером! За такие деньги она месяц без выходных стояла в Белореченске на рынке. С восьми утра до восьми вечера. У нее даже настроение поднялось.

– Слушай, – остановилась она возле совсем молоденькой

девчонки, раздающей листовки у парикмахерской. – А что это стоит?

– Что? – улыбнулась вежливая девочка.

– Вот так вот раздавать? Мне надо бы тоже, чтобы раздавали... мои... бумажечки. У меня небольшой бизнес. Ресторан... чик небольшой. – Добавила небрежно.

– Здесь – сто пятьдесят рублей в час, бывает – двести или сто, как повезет! – она отвернулась от Насти и протянула кому-то яркую зазывалочку.

Настя тоже взяла рекламку и пошла было, но вернулась.

– А как ты, просто зашла и тебе дали раздавать?

– Ну да, это парикмахерская моей мамы.

– И что, она тебе платит сто пятьдесят рублей? – поразились Настя.

– Ну, да! – Теперь уже удивилась девочка, – час работаю – сто пятьдесят, два – триста, три – в кафе сидим с девчонками!

– За четыреста рублей в кафе? – не поверила Настя.

– А что такого? – Девочка успевала отвечать Насте и выбирать глазами, кому дать листовку.

«А уроки ты когда делаешь, коза?!» – весело подумала Настя.

Быстрые деньги грели душу, но стоять так вот, как эта малявка – это нафиг, это не для нас, самодовольно утешалась Настя, но на всякий случай оторвала телефончики с объявления. За раздачу листовок предлагали «Полторы тысячи

в день. Ежедневные выплаты, плюс проездной. Постоянно или как подработка...» Требовалась симпатичная раздатчица. Улица кончилась, впереди через большую площадь, то в одном, то в другом направлении устремлялись резвые стаи машин, справа был вход в метро. Настя спустилась, ей нравилось в метро.

Вышла наобум на метро «Аэропорт». В подземном переходе была масса недорогих и приличных, как ей показалось, магазинчиков. Она купила красную сумочку «Гуччи», с большим золотым запором в виде двух колец, ощупала ее внимательно, повесила на локоть и, хорошо поторговавшись, отдала полторы тысячи.

У выхода из перехода на широкой лестнице женщины торговали вязаными носками, варежками, осенними цветами, одна телка Настиного примерно возраста продавала сушеных лещей. Одета была, как в театр собралась, в короткой юбке и на высоких каблуках. Настя вспоминала свою торговлю на рынке, пощупала леща, рыба была пересушена, такую брали неохотно, хорошо шла подвяленная. Хотела спросить, что, мол, подрабатываешь? Девушка тоже ее изучала накрашенными глазами, и Настя пошла от метро, кося глаза на свою новую сумочку. Солнце светило. Кольца «Гуччи» сияли, как золотые.

– Мальчик, а рынок тут есть? – остановила высокого пацана лет пятнадцати-шестнадцати с длинным чубом, свисающим до носа.

– Так пойдешь, на перекрестке налево, на следующем направо, за кинотеатром... – Пацан достал сигарету, небрежно сунул в рот, без стеснения оценивая Настину фигуру. – Но я уже не мальчик, чикуля! Квартира рядом, травка есть... – он смотрел, не мигая.

– Вот ты... наглый! – тихо взъерилась, а больше растерялась Настя.

Тот прикурил спокойно, отвернулся и пошел дальше. Сигаретой дымил. Настя двинулась за ним, ей нужно было в том же направлении. Она вроде и опешила, но вскоре уже усмехалась довольно – она такими себе и представляла москвичей. Наглыми, расслабленными, циничными. Ей что-то нравилось в таких людях. Свобода, наверное, вот так подошел и предложил, не то, что наши, пока не накривляются, не упьются до потери пульса, рта не откроют. Она все следила за тем парнишкой. Был бы он постарше, а она посмелее – догнала и согласилась бы. Ей все было интересно. Взять вот так и предложить! – восхищалась Настя.

Рынок был большой, непривычно чистый и такой красивый, что Настя прямо остановилась от изумления. В метро было не так красиво, как здесь. Овощи и фрукты выложены разноцветными рядами, горками, все сверкало спелостью. Покупателей было немного. Мужики-продавцы на фруктах и зелени все южные, темные и почему-то пожилые. Женщины на мясе и молочных продуктах наоборот – все славянки. Много было толстых и весело улыбающихся теток. В Белоре-

ченские все было по-другому. Некрасиво, грязно, маленькие лавочки или холодные металлические контейнеры со сквозняками, хмурые покупатели и продавцы. Настя, растерянно осматриваясь, шла между рядами.

Три азербайджанца, два толстых и один худощавый, явно не продавцы, стояли на краю молочного ряда и разговаривали с молодой рыжей женщиной в белом халате поверх куртки. Держались так, будто весь этот рынок их личный и у них еще два таких есть. Настя сняла куртку, взяла ее на руку, в витрину посмотрелась, увидела белобрысое, расплывшееся по кривой поверхности личико, кофточку сиреневую с двумя неброскими бугорками впереди. Красная сумка не очень шла к сиреневому, и она прикрыла ее курткой. Расправила плечи, выпятила грудь, воздуху набрала... помогло мало, и она снова надела куртку.

– Я прошу прощения... не нужны ли вам продавцы? – Настя начала уверенно и солидно, но на последнем слове голос ее дрогнул, пискнул и почти пропал.

Два сытых удава изучали беленького кролика. Не улыбались. Самый толстый, взял ее за плечо, чуть повернул к себе и, выискивая что-то в ее глазах, спросил с акцентом:

– А паспорт у тебя есть? Голливуд?!

Настя терпела руку на плече, понимая, что так надо.

– Есть, – ответила, как можно скромнее.

– Какой?

– Обычный... – не поняла Настя.

– Украинский? – с нажимом переспросил или даже утвердил толстяк.

– Российский! – ответила Настя и убрала плечо из-под руки.

– Да без разницы, – заключил второй толстяк благодушно, – возьми ее, Мурад, на место Оксаны.

Третий, молодой и самый симпатичный, улыбнулся и кивнул в сторону:

– Пойдем со мной!

Мурад был выше Насти, чуть вихлястый с копной густых черных волос. За золотыми очками шурились хитроватые, весело поблескивающие и, в общем, добрые глаза. Вежливо направляя ее, то за плечо, то за локоть, привел в подсобку, выдал чистый халат, показал, где что брать, назвал цены, научил, что говорить про творог и сметану – из какого она района Рязанской области и от каких коров, и определил в ряд. С соседкой познакомил.

Настя стояла, удивляясь, как все легко и быстро получилось, поправляла длинноватые рукава халата, подравнивала банки со сметаной, старалась улыбаться и отвечала о цене. Рынок был так не похож на их, что она все продолжала робеть и рассеянно думала о своих новых хозяевах. Азербайджанцы, которых она недолюбливала и побаивалась в Белореченске и с которыми у пацанов регулярно возникали разборки, тут не были ни наглыми, ни грубыми, они, конечно, рассматривали ее, но никто не пытался унижить.

Зарплата зависела от выручки, тысячи три-четыре выйдет за день, когда привыкнешь, – спокойно поделилась соседка. Она была украинка, светло-рыжая, с приятными чертами лица, звали Оля. Оля подсказывала, Мурад несколько раз подходил, когда не было покупателей, снимал очки, протирал их чистым носовым платком, сам весело и по-приятельски шурился на Настю большими близорукими глазами и подбадривал. К вечеру Настя освоилась, шутила с покупателями и рассказала Ольге про их с Катей московские приключения.

Она неплохо наторговала. В полвосьмого, когда все убрали, Мурад, округлив в ее пользу, вернул из выручки две с половиной тысячи, и, улыбнувшись довольно, добавил еще пятисотенную. В руках у него была толстенная пачка денег.

– Ты точно будешь работать? – спросил, любуясь очень откровенно.

– Ну! – удивленно подтвердила Настя. – А что?

– У меня таких продавцов еще не было! – Мурад лукаво шурился. Протянул деньги. – Держи, винца выпей сегодня! Ты пье-ошь?

Настя сделала гримаску, типа: кто же теперь не пьет? Она была не просто рада, ей хотелось побежать на улицу, чтобы никто не слышал, и нахвастаться бабе Дине по телефону. Три тысячи заработала! За полдня! Она, впрочем, такого и ждала, просто боялась, что обманут, даже подсчитать успела: пусть будет по четыре тысячи за день выходить, за месяц могло получиться около сотни. Оля сказала спокойно,

что в праздники выручка доходит до десятки в день. Голова кругом шла. Настя глуповато улыбалась всем подряд, плохо слышала, во сколько надо приходиться завтра. Деньги были очень хорошие, а работа привычная и даже чистая. Вот-вот должна была подъехать Катя. Настя ее вызвала, хотелось похвалиться и новым местом, и новыми знакомыми. Рынок казался ей нарядным и почти родным. У нее в Москве появилось место, которое она понимала и не боялась.

– Пойдем к нам, посидим, если хочешь... у нас у одной день рожденья... – позвала Оля.

Телефон зазвонил в сумочке.

– Ой, сейчас... Да, Катька, ты где? Ага! Иди прямо-прямо до светофора, потом налево – кинотеатр большой увидишь... я навстречу пойду! Оля, а с подругой можно?

– Можно, можно, – Мурад стоял сзади, улыбаясь, – если такая же красавица, с меня бакшиш! – Он вежливо приобнял Настю.

Мурад уже переоделся и был как с иголочки, новенькие коричневые туфли, джинсы с большим лейблом «Армани», свежая белая рубашка и черный летний пиджак, может и не очень подходящий к джинсам, а может, и ничего. У Мурада были нежные, почти женские руки с длинными пальцами и ухоженными ногтями. Насте хотелось потрогать этого глазастого, он был симпатичный, может, даже и красивый. Она радостно поймала руку Мурада на своем плече и, шалея от своей смелости, пожала ее с улыбкой.

Квартира была трехкомнатная, жили в ней четверо украинок и трое молдаван – две девушки и Ваня – скромный парень лет тридцати. Все работали на рынке. Украинки накрывали на стол, у одной из них и был день рождения.

Окна квартиры выходили на Ленинградский проспект, по которому в двадцать быстрых рядов двигались машины. Настя возбужденно и, хвастливо приукрашивая, рассказывала Кате, как все вышло, и даже показала деньги, как будто они были особенные.

– Я сегодня больше всех наторговала, – понизив голос, приврала Настя, – эти девки мне завидуют, я слышала, как они обсуждали... Вообще устроиться очень сложно! Это не у нас, тут такие деньги! Я нечаянно на глаза их шефу попала, он так: девушка, вы не из Голливуда? Ну, то-се, сами предложили, короче. Тебе Мурад понравился?

– Не знаю... я не обратила внимания. – Катя удивленно глянула на сестру.

– Он, похоже, меня клеит. Такой весь! – Настя томно прикрыла глаза. – Специально для меня вырядился! Я такие штуки чую! Ну что ты смотришь, он тебе что, не понравился?

– У него волосы очень торчат на груди! Много! – виновато и чуть брезгливо улыбаясь, призналась Катя.

– Волосы на груди – это настоящий мужик! – Настя повернулась от окна и посмотрела на Мурада. – Может, мне замутить с ним? Он тут крутой! – Настя, как уверенный в себе

охотник, небрежно изучала развалившегося в кресле Мурада.

Сели за стол, Мурад говорил длинные восточные тосты, выпил брудершафт, обнимал и по-братски аккуратно целовал невысокую и пухленькую именинницу-хохлушку.

Катя за день побывала в двух риэлторских конторах и успела посмотреть три адреса в разных концах Москвы, им подходил только один – небольшая отдельная комната в квартире – но там хотели три оплаты вперед, что было подозрительно, да и денег не хватало. Катя пересказала все сестре и сидела тихо, устало, наблюдала необычное застолье. С одной стороны от нее через угол стоял стул Мурада, который не сидел на месте, а все время картинно вскакивал с бокалом в руке, с другой – толкала локтями подвыпившая разгоряченная Настя.

– Может, останемся, здесь переночуем? – зашептала Настя, – Ольга говорит, раскладушки есть. Ты что не пьешь?! Пей, сейчас спать ляжем, все устроится, деньги будут, видишь, сколько за полдня... Занять можно, если что, хочешь я у Мурада попрошу. У него сегодня... такой пакет бабла был! – Настя вытаращила глаза. – А, может, вообще здесь жить можно, надо поговорить с девушками.

Ночевать было негде, и Катя только неуверенно жала плечами. Она была благодарна хозяевам за тепло и еду, но ей здесь не очень нравилось. Что-то было искусственное и даже нездоровое в этом веселье. Все преувеличенно громко сме-

ялись на не всегда смешные шутки Мурада и потом еще качали головами, как им смешно.

Стол был простой: колбаса, сало, жареные окорочка, да свежие овощи, нарезанные «огородом». Пили водку, Катя поднимала и ставила свою рюмку. Мурад, обнаружив обман, попытался заставить, но Катя не сдалась. Тогда Мурад отправил молдаванина за сладким вином и тортом.

Настя на радостях набралась, стреляла у Мурада сигареты, трясла пепел в крышечку из-под водки и на край своей тарелки, все громко смеялись, разговаривали, перебивая друг друга, молдаванин Ваня в пятый раз объяснял Насте, как правильно держать стакан, как пьют у них в Молдове. Мурад много курил, громко хвастался и показывал на айфоне свой большой дом в Баку, свою яхту и своих коней. У него были кони в горах, их пасли пастухи. Его не особо слушали, видно, он не впервые это говорил, и он стал показывать свои богатства Кате. Придвинулся совсем близко, так что касался ее ног коленями, прямо перед Катей приставил айфон к тарелке и требовал, чтобы она листала фотки. Самого Мурада не разобрать было на этих яхтах и конях, Катя вздохнула, подняла свои вежливо улыбающиеся бархатные глаза навстречу не очень приятному водочному и табачному запаху изо рта Мурада и... почувствовала его руку у себя на джинсах. Мурад продолжал улыбаться прямо в глаза, а рука уверенно раздвигала ей ноги и лезла дальше. Другая его рука властно вцепилась в Катину талию, а эта гладила, мяла

и лезла. Катя замерла, пораженная, уверенная рука достигла джинсового тупика, Катя вздрогнула, очнулась, схватила руку и встала, отталкивая Мурада. Будто скидывала с себя мохнатого паука, упавшего на голый живот, стол шатнулся, бутылка грохнулась, водка полилась толчками. Ваня вскочил, подхватил бутылку, все засмеялись, не глядя на Мурада, лица сделались напряженные и растерянные.

– Извините, – Катя, все еще чувствуя руку Мурада у себя на ногах и вцепившись в Настю, стала выбираться из-за стола.

– Что случилось? – дружеским озабоченным голосом спрашивал сзади Мурад. – Катя, простите, это я виноват! Я толкнул бутылку! – И он расслабленно рассмеялся, виновато разводя руки в стороны и вверх, показывая всем, что это он виноват. Что вот они, его красивые руки, они совсем не под столом.

Девчонки ехали в метро по зеленой ветке. Было тепло, вагоны полупустые. На конечной вышли и пересели в обратную сторону. Настя все сокрушалась и вздыхала по поводу Мурада, все пыталась выяснить, дыша на сестру спиртным, как именно он к ней лез. Потом жаловалась, что ноги устали ужасно, стояла целый день, потом тихо уснула, привалившись к Кате. В первом часу вышли на все том же, опустевшем к ночи Ярославском вокзале.

Черненький жилистый и не улыбочивый парнишка из камеры хранения, не спрашивая номерков, принес их сумки

и сел, отвернувшись в экранчик айфона.

– У меня последние трусы остались, – тихо ужаснулась Катька.

– Мои наденешь!

– Не налезут!

– Вот эти налезут! – Настя растянула до плеч бежевые трусики, на которых болталась этикетка.

Достали теплые вещи, остальное засунули обратно в сумки, Настя заглянула в окно камеры хранения:

– Э-э, парень... – Настя внимательно его изучала, – ты тоже таджик?

– Нет, я узбек! – угрюмо ответил парнишка.

– А-а-а, ну, молодец... я тоже узбеком скоро стану!

Парень с любопытством глянул на Настю, вроде спросить что-то хотел, но не спросил и забрал сумки. Пошли к эскалатору.

– Помыться охота, прямо не знаю... В баню, что ли, сходить? Есть же в Москве баня какая-нибудь? Для узбеков! Мы с тобой как второсортные – Сапар-мапар, Мурад-пурад! У меня башка что-то побаливает, вино с водкой мешала.

Сапар как будто ждал их, заулыбался радостно, пожал им руки двумя руками, склоняя голову, и тут же стал накрывать.

– Прямо цветет, – прошептала громко Настя, когда он отошел за стойку. – В кого же он втюрился, в тебя или в меня?

– В тебя! Он с тебя глаз не сводит... – Катя тоже радостно улыбалась Сапару.

Народу не было, двое только пили пиво в углу и тихо разговаривали. Катя была не голодна, а Настя после выпивки хотела есть. Сапар приносил еще еды, рядом присаживался. Настя наелась и начала сладко зевать, Катя тоже давила зевки, прикрываясь рукой – день вышел длинный и нервный, их прямо валило в сон. Настя прилегла на руку:

– Ой, я посплю малость.

Сапар исчез куда-то, потом вернулся и, внимательноглянув на пьющих в углу, поманил Катю за собой. В соседнем кафе, в кладовочке, между стеллажами с коробками, впри-тык к ним стояла раскладушка с матрасом, заправленная бельем:

– Вот здесь, хотите? Мы здесь спим иногда ночью, когда народу нет. Тут чистое все, ложитесь. Я на моей точке буду, вас запрю, если полиция будет обходить... немножко посидите тихо. Можно, можно, давайте, – подбодрил он растерявшуюся Катю.

Они так устали, что думали недолго. Легли валетом. Было тесно, раскладушка металлически кряхтела, отзываясь на их движения. Вскоре те двое допили свое пиво, задвигали стульями и ушли. Вокзал затихал, иногда только кашель слышался, да громкий информатор объявлял. Катя начала падать в сон, а, может, уже и заснула, но вдруг услышала, как кто-то зычно окликнул Сапара:

– Что у тебя тут? Все тихо? – Властный голос раздавался не от столиков, а откуда-то сзади.

– Все в порядке, – Сапар говорил громче обычного, гремел посудой в мойке, – там закрыто, идите сюда, чайку попейте... ой! – Что-то звонко упало у него на пол.

В ответ засмеялись, заговорили неразборчиво, голоса приближались, железные набойки на ботинках позвякивали о кафельный пол. Девчонки не дышали, Катя чувствовала, как Настя прижалась к ней, от малейшего движения под ними скрипело.

– Математик! Кто там у тебя? – раздался совсем рядом, над их головами сиплый бас. Кто-то через стойку заглядывал в их кафе.

– Кто там? Нету никого! У меня ключей нету, Валя не оставила... – отвечал Сапар.

– Гм, – хрюкнула негромко Настя, давась от смеха и, зажимая рукой рот, опять скрипнула раскладушкой.

– Сапар, сука! – Бас выронил что-то на кафельный пол, нагнулся, закричал. – Крысы что ли?!

– Ага, таджикские... – пошутил другой голос и сам заржал над своей шуткой.

«Уважаемые граждане встречающие, – заглушая все, заговорил информатор, – поезд «Улан-Батор – Москва» ожидается на второй путь. Нумерация вагонов с хвоста поезда».

– Нету крысы! Зачем обижаешь? Чайку будете? – Сапар продолжать громко греметь посудой.

Полицейские, тяжело позванивая набойками, направились к выходу, затих и Сапар, только ровный гул доносился

из зала ожидания.

– Ты спишь? – тихо позвала Катя через некоторое время. Она перепугалась и теперь не могла уснуть.

Настя не ответила. Посапывала равномерными всхлипами. Кто-то пришел, сел за столик и стал негромко говорить по телефону. С Дальним Востоком разговаривал человек, там уже был день, с женой... или не с женой... с любимой женщиной, – поняла Катя и нечаянно улыбнулась. В Белореченске было семь утра, восьмой, тоже можно было позвонить. Мысли о доме расстраивали, она вспоминала сегодняшний день, трогала рукой гладкие коробки с корейской лапшой, возле которых лежала, и ей хотелось домой в свою кровать и вообще становилось грустно.

Утром Сапар накормил их. Катя попыталась заплатить, но он не взял:

– Я такой буду, мне тоже кто-то даст хлеб.

– Какой такой? – заинтересовалась Настя полным ртом.

– Денег нет, дом нет... я такой был. Два года назад, когда сюда приехал, в подвале на трубах спал. И еще деньги полиции давал! – Сапар говорил важно, словно гордился, что он все это вынес.

– Кто тебе помог? – спросила Катя.

– У нас много народу. Родственники, земляки из нашего города. Много!

– Ты тоже из города?! – удивилась Настя.

– Да-а! – Сапар посмотрел на Настю, как на маленькую. –

Курган-тюбе – древний город! В три раза старше Москвы!
Таджики вообще древний народ! Я в Душанбе университет закончил, математику в школе преподавал.

– О как! – удивилась Настя.

– Почему уехал? – спросила Катя.

– Денег совсем мало... – он подумал, – и жизнь никакой нету. У нас президент как царь или даже хуже! Все у него слуги, все бегает, как шакалы... он еще сказать не успел, а они уже бегут выполнять! В школе очень тяжело работать, все время всякие глупости заставляют детям говорить. А дети умные – они смотрят на меня...

– А у нас что, не так, что ли? – скривилась Настя.

– Не-ет, у нас один человек над всеми людьми, поэтому все плохо! Все очень дорого!

– А у нас два! – захохотала Настя. – У нас тоже скоро ничего не будет!

– Ты где сегодня спал, Сапар? – спросила Катя.

– Я не спал, работал... сейчас домой поеду.

На другой день Катя прошла собеседование на секретаря офиса в финской строительной фирме. Оклад предложили тридцать пять тысяч рублей, испытательный срок три месяца. Для окончательного утверждения надо было показаться управляющему, который приезжал через день.

В половине двенадцатого она уже была свободна, набрала сотовый матери, та не взяла трубку, Катя позвонила домой, там было все по-прежнему, отец бодрился, ничего особо не рассказывал, расспрашивал про Москву.

Встретились с Настей на «Пушкинской».

– На испытательном сроке стажерам вообще ничего не платят, только чаевые. Я с официантами перетерла, кто говорит – на чаевых ноги протянешь, кто – ничего вроде... один чувак сказал, до десятки в день чаевых рубит, – Настя посмотрела на Катю, – это он меня кадрил, врал, наверное. Но все говорят, что новичку столики самые плохие дают, куда народ не садится. Ну, это понятно... – Настя задумалась, вспоминая, – матерятся все, как собаки, официанты, повара... Короче, без оклада устроиться можно, но это – не вариант!

Вышли из подземного перехода. Солнышко светило мягко и даже чуть пекло, погода была приятная.

– Может тебе в дорогие рестораны попытаться?

– А ты-то что, не хочешь попробовать? – Настя остановилась и посмотрела на сестру. – Или ты вообще не хочешь в ресторан?

– Я в эту финскую фирму выйду, меня приняли вроде...

– Ну и что, что приняли, может, нас в один ресторан возьмут, вместе будем! Про иностранный, кстати, везде спрашивают.

Катя молчала.

– В дорогих ресторанах... слушай, такие крутые бывают, зайти страшно! – Настя вытаращила глаза, – В некоторые даже не пускают на собеседование... у меня на роже что-то написано? – повернулась к сестре.

– У всех написано, – улыбнулась Катя.

– И что у меня?! Читай!

– Ты, когда улыбаешься, о-о-очень красивая, а бываешь как парень. Тебе бы помягче как-то...

– В Москве помягче?! Ты через охранников, этих тупых амбалов, блин, не пройдешь! Я в один хороший ресторан зашла – объявление висело, – Настя подняла палец вверх, – берут официантов без опыта работы! Не взяли! Сам хозяин со мной разговаривал... ну, понты, конечно... откуда, такая милашка? Где такой говорок дают? Что за Белореченск? Все дела, короче... – Настя нахмурилась. – Может, я роста маленького? У меня же лицо красивее твоего?

– Красивее, – охотно согласилась Катя.

– Титек нет, правда, а задница ничего вроде...

– А какие вопросы задавал?

– Да ничего особенного... у нас высокие зарпла-а-аты!

У нас пу-у-ублика! – передразнивала хозяйина ресторана Настя. – Путин у них со своей братвой бухают каждый день! И еще спрашивает меня, назовите основных героев «Войны и мира». Прямо, как на уроке блин!

– Ну? – заинтересовалась Катя.

– Что?

– Кого назвала?

– Кого-кого, не помню я никого, кроме Кутузова, да Наполеона, я не читала... а он – это не главные герои! Нормально так, Наполеон не главный! Ну, поручика этого вспомнила и все. Короче, я сама ушла...

– Какого поручика?

– Ну, Ржевского!

Катя рассмеялась, прижимаясь к Насте.

– Что ты умничаешь?! Ты все каникулы в библиотеке работала, а у меня трояк был по литературе! И тот натянутый! И что? На работу меня не брать из-за этого?! Что, я на стол не накрою без твоей «Войны и мира»... Так, стоп! «Мукузани»! Красиво! Нам сюда!

У входа в ресторан была небольшая парковка, отгороженная гранитными тумбами с чугунными цепями. Швейцар в черной мохнатой грузинской папахе стоял у высоких дверей. Катя покачала головой:

– Нет, Насть, иди одна. Я уже обещала...

– Как хочешь, мяться здесь нельзя, – и она решительно стала подниматься по ступенькам мимо внимательно рассматривающей ее папахи. Катя постояла без дела, потом перешла дорогу, почитала афишу кинотеатра, ответила на эс-эмэску из Белореченска. Перешла от нечего делать обратно к ресторану, присела на гранитную тумбу. Задумалась, куда ехать сегодня, насчет бани мысли пришли, голова уже начала чесаться.

Дверь распахнулась, вышел крупный человек в черной рубашке, с длинными темными и тяжелыми волосами по плечам и большим фотоаппаратом в руках, швейцар нес за ним штатив. Фотограф отошел, рассматривая затейливую, в деревенском стиле, вывеску и высокие деревянные окна ресторана. Не обращая внимания на машины, медленно ползущие по переулку к Тверской, перешел на другую сторону дороги и стал смотреть издали. Солнце как раз освещало окна. Он сделал несколько кадров, вернулся, присел рядом с Катей и стал снимать:

– Дайте штатив! – махнул швейцару.

Катя начала подниматься, чтобы не мешать, она сидела почти в кадре.

– Стоп! Стоп! Сидите! – Тут фотограф впервые посмотрел на Катю пристально, – посидите, пожалуйста, – попросил, время от времени щелкая затвором аппарата, – дайте-ка вашу папаху!

Швейцар подал. Фотограф сунул папаху Кате, продолжая

глядеть в глазок камеры и снимать:

– Сядьте на это, сейчас уже холодно!

Катя удивилась, глянула на папаху, на растерявшегося швейцара и вернула ему папаху. Фотограф, не обращая на них внимания, все снимал и снимал, чуть перемещаясь и присаживаясь.

Стал смотреть, что вышло.

– Хм! Вас как зовут? – спросил, все еще задумчивый.

– Катя, – Катя пересилила себя и улыбнулась в ответ.

– Ага, – теперь он изучал ее вживую, – давайте в интерьере попробуем.

Он стал подниматься по ступеням, обернулся на стоявшую в недоумении Катю:

– Пойдемте! – он разговаривал с ней так, будто они были знакомы.

Швейцар открыл дверь, Катя вошла внутрь, засмушалась, на них, на нее в основном, как ей казалось, смотрели повара в белых колпаках, официанты в национальных одеждах и даже клиенты из-за ближайших столиков.

– Вот здесь попробуем... – фотограф настроил фотоаппарат и посмотрел на Катю, – вы почему не в одежде?

– Я не знаю...

– Вы тут не работаете? – фотограф наконец понял свою ошибку и растерянно огляделся. – А вы не могли бы... поработать с нами. Вам могут заплатить! Слушайте, Андрей, – он повернулся к невысокому человеку в строгом костюме и гал-

стуке.

Катерина огляделась, Насти нигде не было. Фотограф показывал господину в костюме ее изображения. Катя вздохнула, еще раз обвела взглядом зал – не было Насти.

– Девушка, меня Андрей Иванович зовут, я... директор здесь, а вас? – обратился к ней невысокий в костюме.

– Катя.

– Вы работаете, учитеесь? – Он был вежлив и улыбался скорее по привычке, сам внимательно ее изучал.

– Я устраиваюсь... – Катя не смутилась, ей хотелось уже освободиться.

– А к нам не хотите попробовать? Официанткой? Ребята зарабатывают неплохо. – Он подозвал невысокого худощавого парня, – Богдан, сколько у тебя в месяц выходит?

– Тысяч... пятьдесят, Андрей Иванович.

– Ну... не прибедняйся...

– Иногда побольше, – согласился парень довольно.

Фотограф, колдовавший что-то на компьютере, развернул экран к Андрею Ивановичу:

– Как вам вот это?!

Катя мельком увидела себя крупным планом в черно-белом изображении, но смотреть не стала, а отступила на шаг, чтобы не мешать.

– Да, неплохо, – серьезно одобрил директор.

– Что вы, Андрей! Она очень интересная! Это просто удача! – фотограф смотрел на Андрея Ивановича недовольно,

будто тот был в чем-то виноват. – Я думал, она у вас работает!

Андрей Иванович взял Катю под руку и, чуть отойдя в сторону, заговорил негромко:

– Катя, на испытательный срок могу предложить оклад в сорок пять тысяч. Это очень хорошо для начала. Оставьте ваши координаты, вот мои. – Он подал визитку.

В это время откуда-то сбоку, из-за резной деревянной перегородки со старинными деревенскими кувшинами, связками лука и сухой кукурузы показалась Настя. Щеки ее были красные, шла решительно, но оказавшись в зале, не знала, куда дальше. Она всем своим недовольным видом показывала, что ищет выход и тут увидела Катю в окружении людей. Не так уже решительно шагнула к ней. Катя обрадовалась:

– Возьмите мою сестру, это моя сестра... Андрей Иванович!

Фотограф, пока она говорила фразу, сделал еще несколько снимков с близкого расстояния.

Андрей Иванович посмотрел на Настю, поздоровался и опять повернулся к Кате. Дружески тронул ее локоть:

– Это может быть, но дело вот в чем... Стешин, – он кивнул на фотографа, – хочет сделать вас лицом ресторана. Подумайте! Позвоните, в любом случае!

– Спасибо, я подумаю, спасибо... – Катя вышла следом за Настей.

Они шли по людной Тверской. Настя громко и возмущен-

но рассказывала, она провалила и это собеседование.

– Все уже вроде, сервировку стола ответила, состав блюд она мне простила, ресторан же грузинский, всё, разговариваем нормально, я даже ей анекдот рассказала...

– Какой? – с испугом спросила Катя.

– Ну там, про Гиви... да нет, хороший анекдот, про Гиви и блондинку, я про себя, пошутить хотела! И вдруг – вы нам не подходите! Я ей в лоб – почему?! А она так: «Вы, говорит, девушка очень милостивая, но вульгарная, простите за прямоту!» Слушай, что это значит? – Настя остановилась и посмотрела на Катю. – Нет, я вообще-то понимаю, но все-таки? Вульгарная – это что?

– Простоватая... – смягчила Катя.

– Понятно, – Настя сокрушенно закусила губку... – А ты что там делала?

Катя рассказала. Настя смотрела на нее с подозрением, потом тряхнула головой:

– Ну ваще!!! Иди, чего думать! Сорок пять штук?! Это они по-богатому тебе! Да чаевые еще!

Вышли на Пушкинскую площадь. Близился час пик, пестрый, не сильно веселый московский народ тек в метро. Девчонки остановились, не зная, куда податься, Настя крутила головой:

– Я с голоду подыхаю, пойдем крошку-картошку хоть купим? Или, может, завалимся в какое-нибудь кафе, у меня уже эти пирожки Сапаровы из ушей торчат... не хочу боль-

ше на вокзал!

– Надо попробовать в общежитие, объявлений полно! –
Согласилась Катя.

Телефон зазвонил.

– О, смотри, Сапар! – рассмеялась Настя, показывая телефон. – Как будто слышал! Здорово, друг! Что делаешь? А? Ну-ну... ну, круто! Слушай, сейчас Катьки нет, она на собеседовании... я тебе попозже перезвоню, ладно? Давай!

Она выключила телефон.

– Та-ак, в гости зовет, праздник, говорит, маленький будет, с сестрой мне хошет познакомиться, – Настя похоже передразнивала Сапара, – вот ослик наш... ну, что?

– Нет, неудобно! – тряхнула головой Катя.

– Да чего тут?! Ночевать, говорит, останетесь! Там можно!

Катя настороженно смотрела:

– Нет, Насть, надо отказаться.

– Отказаться можно, только где сегодня спать будем? На вокзале?

– Надо найти недорогую гостиницу...

– У тебя сколько денег осталось?

– Шестнадцать.

– И у меня девять... тут на одних метро, да троллейбусах кучу денег прокатаешь, а ты – гостиница! – Давай съездим, посмотрим, он же говорит, с сестрой хочет познакомиться, значит, все нормально, если что – уедем! Полчаса, говорит, на электричке.

Большая семья таджиков – близкие и дальние родственники – снимали старый домик в Подмосковье. Домик был изрядно покосившийся, приземистый, с пристройками и, видно, только благодаря этому не падал. Весь огород занимали три самодельные теплицы из пленки. Дорожки были аккуратно выложены камнями и битым кирпичом. Две девушки колотили толстые одеяла, развешанные на заборе.

Заправляла всем старшая сестра Сапара Гульнара, улыбаясь и смешливая тетка в шелковом малиновом халате, из-под которого видны были ярко-желтые шальвары. Толстая, но быстрая и ловкая и в словах и движениях. Потолки в доме низкие, натоплено тепло, в большой комнате мебели не было, ковры на полу, подушки. Девочки вошли, осматриваясь. В углу на подушках сидел пожилой мужчина, в толстом таджикском халате и тубетейке. Сапар познакомил со всеми, большинство были одеты обычно, в джинсы, спортивные трико и майки.

– Ай, красависы! – пела Гульнара, рассматривая девочек, а Настю даже ошупала за бока и плечи, скривившись на ее худобу, и ласково погладила по щеке. – Руськи красависы! Ходите-ходите... руки мойте? Что хотите-е-е? А-а, это у нас на улиса ходить над-да!

Она что-то сказала по-таджикски маленькому мальчику, тот, быстро оглядываясь смышленными глазками, повел их к туалету за домом. Открыл дверь, и когда Настя зашла, приник к щели. Катя позвала его, присела:

– Тебя как зовут? – Катя хотела обнять, но черноглазенький, стриженный налысо мальчишка не дался. Молча на нее смотрел, потом быстро побежал в дом. Тапочек слетел, он затормозил, вернулся, не сразу его надел и, надевая на ходу, скрылся в проеме двери. Громко о чем-то заговорил там. Мальчишка был совсем, как Андрюшка, постарше только. Через минуту, он уже тащил за руку Сапара и что-то быстро лопотал.

Сапар подошел, улыбаясь:

– Переводчика привел! – кивнул на мальчика.

Они долго ужинали. Все сидели за большим дастарханом, накрытом на ковре. Женщины и дети – у дверей.

– Мы – женщины – обычно там кюшаем, – широко улыбаясь, объясняла Гульнара, показывая на кухню, – гости когда, все тут, – она опустила ладони на ковер и счастливо засмеялась. – А когда Таджикистан дома ходим... дома только кухня сидим, все приготовим мужчинам и сюда не заходим! Они все сами в кухня берут и сюда кладут. Тут кюшают! – И она опять засмеялась, радуясь, как ловко она все объяснила.

Подъезжали еще люди, садились за стол, мужчины проходили на хорошие места, но делали это так, что никому не было обидно, они никого не прогоняли, просто так у них было заведено. Все много смеялись и громко говорили. Сначала долго пили чай, потом дали закуски, лепешки горячие... потом внесли плов в большом казане. Запах от него кружил голодные головы девчонок. Сначала старику, потом гостям

подавали полные тарелки, так, что с них сыпалось.

– Ничего-ничего! Кюшайте! Такой маленький девюшки, замуж кто возьмет? Ай-яй-яй! – смеялась Гульнара, показывая своими толстыми ладошками, какой девюшки маленький.

Все смеялись, кто не понимал, были и такие, спрашивали у соседей, потом кивали головами и опять смеялись, показывая на девчонок. Худых женщин за столом не было.

– Хорошо, не стали крошку-картошку, – шептала Настя, – к которой плыла по рукам вторая тарелка. – Я лопну! Сапар, – повернулась она к Сапару, – я не поняла, обычно вы как едите, отдельно?

– Да, женщины на кухне, мужчины – тут, за достарханом! Только для вас так сделали.

– А если ты там, у себя дома, девушку, например, приведешь знакомиться с родителями, она тоже на кухне будет?

– Да! Здесь только мужчины! У нас очень давно, много веков так!

– Ничего себе! Ты слышала? – Настя пихнула Катю. – Угнетенные женщины Востока!

Женщины, однако, выглядели вполне веселыми и всем были довольны. Ухаживали за своими детьми и мужчинами.

Потом опять пили чай. Спиртного за столом не было. Никто особенно ни о чем не спрашивал, все относились к ним по-доброму, обсуждали что-то на таджикском, иногда кивали на Сапара. Сапар был в авторитете и чувствовал себя же-

нихом, сидел между Настей и Катей.

– У меня высшее образование! – Все с той же наивной и важной гордостью объяснял он девчонкам.

Он, пожалуй, был самым симпатичным. Чистое смуглое лицо с большими глазами, забавный чуб, тяжело падающий на лоб, скромная, неторопливая улыбка. Сапар был похож не на барашка, а на доброго ослика.

– Я – математик... как Омар Хайям! Ты таджик Омар Хайям знаешь?

– Я?! – удивилась Настя.

– Он первый... – Сапар недоверчиво посмотрел на Настю и сбавил пафос, – он алгебру придумал! Ты алгебру знаешь?

– Я?! У меня по алгебре одни двойки были... – Настя взяла конфетку и, развернув, засунула в рот, – прямо одни двойки! Вон у Катьки... – она ткнула пальцем.

– Таджики хорошие математики, – продолжал Сапар, – у меня дядя член-корреспондент академии наук, в московском университете работал на мехмате. Я любые цифры могу складывать! В уме! – И он опять гордо посмотрел на девочек.

– Ты?! – не поверила Настя.

– Я, – спокойно и гордо ответил Сапар, – это все знают! Меня на вокзале «математик» зовут! Я без калькулятора считаю.

– Сейчас, подожди! – Настя достала телефон. – Та-ак, сложи 25 и 82!

– Э-э-э... давай большие цифры! – засмеялся Сапар.

– Пятьсот шестьдесят три минус двести тридцать пять? – выпалила Настя.

– Триста двадцать восемь, – не задумываясь, произнес Сапар, – если их сложить – семьсот девяносто восемь, а умножить, – он чуть помедлил, – сто тридцать две тысячи триста пять!

Настя замерла в большом сомнении, подозрительно глядела на Сапара. Но все же взялась за калькулятор, она проверяла долго, сбивалась, не помнила ни исходных цифр, ни его ответов. Сапар невозмутимо подсказывал. Катя восхищенно и радостно качала головой. Настя быстро устала от этих расчетов и прекратила пытаться. Но смотрела все же с недоверием. И на Сапара, и на Катю.

– Если не перестройка, я бы сейчас в МГУ преподавал! Дядя устроил бы, – объяснил Сапар.

– У Катьки отец тоже учитель математики... – серьезно похвасталась Настя. – А тебе сколько лет? – Она все глядела на Сапара с затаенным любопытством.

– Тридцать два.

– Да-а-а...

Настя о чем-то думала, покачивая головой, потом, одними глазами осмотрела Сапара всего, как будто на рынке выбирала. Вздохнула, скосила глаза на Катю и вдруг, весело трянув головой, выпалила:

– А у нас Катька всю литературу прочла. Можешь ее проверить. Пушкин, Толстой... Есенин. Все-все читала! Она

и по-английски читает. Ей все равно, по-русски или по-английски, да, Кать?

Спать положили в отдельной, специально для них подготовленной комнатке возле кухни. На полу лежали матрасы, сверху толстое, вроде матраса же, одеяло. Под ним было тяжело и жарко. Лампочки в комнатке не было, окон тоже. Девчонки прижались друг к другу.

– Мы с тобой как сиротки! – зашептала Настя. – Третью ночь уже... как бомжишки. Сейчас вот в чулане. А где мы первую ночь спали? Когда Суюкина нас поперла?

– Нигде, на Казанском сидели.

– А-а-а, точно... – согласилась, задумчиво, Настя, – кажется, столько времени прошло.

– У меня ничего глаженого нет на завтра, и не мылась, от меня не пахнет?

Настя поднялась на локте, слышно было, как нюхает в темноте:

– Не-ет, – ответила серьезно, – а от меня?

Теперь Катя понюхала:

– Да нет вроде, духами немного... Может, правда, в ресторан попробовать. Там униформу дадут... Красивая... тебе понравилась?

– Если они тебя фотографировали, лицом тебя хотят сделать, они должны платить! Ты этот вопрос сразу должна поставить. Они поэтому и дали сорок пять тысяч, это очень много! – Настя замолчала, обдумывая. – Да не бойся ты, эти

волчары людей насквозь видят, он посчитал, сколько будет стоить, если тебе за фотографии платить – это же огромные деньги! Я читала – Машка Шарапова за одну фотографию...

– Ну ладно уж, что с тобой?

– Что?

– Какая я Шарапова!

– Да ты красивее в сто раз!

– Слушай, давай спать! Помыться бы завтра как-нибудь, Шарапова, наверное, моется иногда?

– Ну, – хихикнула Настя. – Я чесаться начинаю, когда долго не моюсь. Прикинь, Шарапова выходит играть и так чешется потихоньку, чтоб камеры не видели.

Замолчали. Темно-темно в комнате. Тихо и бездомно. Катя думает о матери, отце и Андрюшке, представляет, как отправит им денег с первой зарплаты. Думает, когда это может быть и сколько может получиться, потом вспоминает, что им с Настей нечем пока и за квартиру заплатить. Чувствует, как какие-то букашки ползут по виску и шее. Пробует испуганной рукой и с облегчением понимает, что это пот.

Настя лежала тихо, потом скинула с себя тяжелое одеяло, вытянула руку и пощупала близкую стенку. Вспомнила, как спали вчера среди упаковок у Сапара на складе. Вчера было холодно и страшно под гигантскими сводами вокзала, сегодня жарко и тесно. Поднялась на локте:

– Не спишь? – осторожно потрогала Катю.

– Нет.

Настя молчала в темноте. Потом вздохнула и спросила задумчиво.

– А зачем люди живут?

– Что? – не поняла Катя.

– Вот и мы с тобой... и таджики эти... они побросали всё, всю свою жизнь там, стариков, детей и поехали, хрен знает куда, в холодную и злую Москву. Им здесь холодно, плохо, их здесь ненавидят... Он быстрее, чем я на калькуляторе, считает, а стоит пирожки продает! Что за фигня, а? И мы вот, почему мы ночуем в этом чулане? Могли бы дома... – она замолчала. Потом легла на спину и сказала в потолок. – Что мы там могли бы? Ничего! – Ответила решительно сама себе и опять замолчала надолго.

– Я тоже по дому скучаю, – шепнула Катя, – дома лучше.

– Зачем все это? Вот такая вот придурочная жизнь? Ради денег, что ли... Ни хрена себе! Какой козел все это придумал?!

Катя молчала. Настя зашевелилась, снова поднялась на локте и, тихо хихикнув, зашептала:

– Мы с бабой Диной баню натопим, напаримся, а потом чай на кухне пьем вдвоем! А?!

– А я после бани читать люблю.

– А мне скучно читать. Может, только про рецепты... Я же правда свой ресторан хочу, чтобы я там все делала, все устраивала, а потом выходила бы так и смотрела, как люди у меня отдыхают. Все красиво, тихо, музыка на рояле... Почему

у нас в Белореченске так нельзя? – Настя замолчала. – Я один фильм смотрела... там вот так и было! И хозяйка еще такая красивая, у нее детей куча... пять, наверное.

Помолчали, за стеной спали, негромкий храп слышался. С другой стороны, в кухне женщины разговаривали по-таджикски. Иногда тихо смеялись.

– Я никогда в жизни не бывала в ресторане, – шепнула Катя.

– Правда, что ль?

– Правда. Думаешь, мне в ресторан все-таки?

– Да что тут думать, ты «Кать» чокнутая... а я смотрю, ты сегодня смурная какая-то...

Катя вздохнула тяжело в темноте, повернулась к сестре:

– Я не из-за этого. Отец, как мы уехали, не встает...

– Звонила?

– Да.

– Из-за того, что ты уехала, не встает?

– Нет, – Катя замолчала, – ему вставать почти нельзя, только, чтобы пролежней не было, а он матери пытался помогать, когда я уехала. Все хотел делать из коляски, мама говорит, даже за водой с одним ведром ездил в колодец... – Катя опять замолчала, в темноте слышно было, как хлопнула тихо носом, – мать хочет хирурга из Иркутска позвать, чтоб посмотрел...

– Ну?

– Семь тысяч рублей надо, а у нее денег нет на телефон

положить... – слышно было, как Катя глотает слезы.

– Кинь ей!

– Я кинула.

Тихо сделалось в комнате. Таджички примолкли. С мужской половины доносился негромкий храп.

– Да-а-а, тяжело твоим... – Настя думала о чем-то, потом, вздохнула, – хорошенький, конечно, Андрюшка, но так подумать – не надо было теть Ире его рожать!

– Ты что болтаешь, Насть?!

– Ты и сама это знаешь. Что за жизнь у него будет? Денег на телефон нет, а тут целый ребенок живой!

Катя молчала.

– Не было бы сейчас Андрюшки, мать могла бы за отцом ухаживать, может, и операцию уже сделали бы. Чем она думала, когда рожала? В сорок-то лет? Она что, не видела, какая вокруг жизнь? Я уже тогда в Москву собиралась...

– Гадость, Настька, ты сейчас сказала. Будет у Андрюшки жизнь как жизнь...

– Ну да, только у теть Иры три мужика сейчас на руках! А руки-то две! Тебе придется на них вкалывать, а у тебя своя жизнь! Мне тебя жалко! – Настя зевнула.

– Какая ерунда! – сказала с досадой Катя.

– Жизнь – не ерунда... Она – одна!

– Это точно. Денег мне надо заработать! Если не зарабатую, то не знаю...

– Вот я и говорю, все деньги да деньги, ради них и живем,

получается. – Настя опять крепко зевнула и повернулась на бок.

Женщины на кухне подвигали стульями и замолчали. Тоже улеглись где-то. Настя уснула, а Катя долго еще лежала с открытыми глазами.

Утром позвонил вчерашний фотограф и все еще раз объяснил. Катя заволновалась и волновалась всю дорогу в электричке и метро, слушала и не слышала, что говорит Настя. Деньги были очень большие, и получилось все как-то непонятно, но главное – она совсем не представляла себе этой работы. Приехала к ресторану к половине одиннадцатого, остановилась в нерешительности недалеко от входа. В ногах было холодно от страха, какая-то девушка подметала крыльцо и ступени. Мимо шел официант, что вчера говорил про свою зарплату. Кивнул ей, как хорошей знакомой.

– Здравствуйте, – робко поздоровалась Катя, еще не зная, пойдет она или нет.

Парень остановился, настойчиво пропуская Катю вперед. Он был одного роста с ней, или пониже, худоватую спину держал ровно, чуть даже театрально. Узколицый, с усиками и челкой. Даже не одетый в униформу, он очень походил на официанта:

– Готов служить, сударыня! Богдан. – Он с подчеркнутым достоинством склонил голову. – Шапкин!

Катя растерянно кивнула. Богдан открыл перед ней дверь и проводил по коридору в небольшой кабинет. Высокая светлолицая блондинка лет двадцати шести – двадцати восьми очень просто протянула Кате крепкую руку:

– Светлана – старшая смены. Очень приятно. Садитесь. – Она легко улыбнулась.

На столе лежали несколько больших фотографий. Светлана подвинула их Кате:

– Это Стешин привез. Вы ему так понравились, что он сам поехал заказывать вам одежду. Он много чего сам делает, – улыбнулась Светлана, понимая по Катиному взгляду, что та ничего не знает. – Стешин – один из лучших фотографов в Москве, Катя.

С искусственно состаренных черно-белых снимков откуда-то из прошлого века глядела красивая серьезная молодая женщина. Катя себя никогда такой не представляла и рассматривала с тяжеловатым смущением, она стеснялась и даже не хотела этой красоты, ей казалось, она ее не заслуживала. Но карточки были хороши и еще чем-то, и она смотрела внимательно. На одной из них она стояла у тумбы, у входа в ресторан, не зная еще, что ее снимают. Вполоборота, стройная, спокойная и как будто строгая. Это была фотография из толстовских времен, как это сделано, было совершенно непонятно, но Кате казалось, сейчас швейцар распахнет двери и оттуда выйдут отобедавшие Облонский и Левин.

– Что, хорошо? – Светлана, улыбаясь, собрала снимки.

– Простите, Светлана, а лицо ресторана... – Катя почувствовала, как краска окончательно залила щеки, – это... что надо делать?

– Это Стешина идея, он хочет, чтобы у каждого из наших

ресторанов было свое узнаваемое лицо. Он отснимет вас на визитки, буклеты, плакаты... я как следует не знаю всего, но это не будет плохо, не пугайтесь. Идея в том, чтобы изображение с плаката было еще и живым, чтобы вы работали в ресторане, ходили среди посетителей.

Телефон зазвонил.

– Ресторан «Мукузани», слуша... Здравствуйте, Игорь... она здесь... да-да, хорошо! – подбадривающе кивнув Кате головой, Светлана передала трубку. – Игорь! – шепнула.

– Алло? – Катя растерялась.

– Катя, здравствуйте, это Игорь Шешин, фотограф, вы в ресторане? Отлично! – Голос в трубке звучал басисто и неторопливо. – Я сегодня уезжаю на выставку недели на две, потом встретимся, я хочу вас еще поснимать. Хорошо? Не пропадете? Я придумал вам образ и оформление, все придумал, и кажется, неплохо... Ну, счастливо, обнимаю!

Катя мало что поняла и отдала трубку. Светлана провела ее по залам, показала кухню, познакомила с официантами и поварами. Посадила в своем кабинетике изучать меню и составы блюд.

– Если что-то непонятно, спрашивайте, не стесняйтесь.

– Светлана, простите, но у меня вообще никакого опыта, я первый раз в ресторане...

– Это ничего... – Светлана с интересом смотрела, улыбалась доброжелательно, видно было, что Катя ей нравится. – У вас получится, я это вижу. И не забывайте – вы у нас не

просто официантка.

Катя несколько раз прочла и запомнила «Памятку официанта», это было совсем несложно, трудности были с ингредиентами. Она выписала на листочек несколько продуктов, которых не знала. О некоторых даже не слышала.

Вошла Светлана.

– Как дела? – подала Кате униформу, выглаженную и в пакете, – наденьте пока эту.

Светлана увидела Катин список, пробежала глазами:

– Очень хорошо. Постоите сегодня с шеф-поваром, с Гочей, помогайте ему, он вам все покажет. Окей?

– Хорошо, – кивнула Катя.

– Раздевалка помните, где? – видя Катину смущение, Светлана дружески взяла ее за плечо. – Не стесняйтесь вы так, у нас очень неплохо, и Гоча вам обязательно понравится. В следующий раз туфли наденьте на низком каблуке, кроссовки не годятся.

Катя густо покраснела. Хороших туфель у нее не было. Были старые со стертymi задниками.

Шеф-повар Гоча был выше Кати, худощавый и сутулый, лет тридцати. С большим носом, крупными губами и детски-наивными, грустными глазами. Даже пучеглазый немного. На нем были тщательно выглаженные белые куртка и штаны, на голове – высокий поварской колпак. Гоча молча, как будто не обращая внимания на Катю, резал что-то, какие-то корешочки и травки на огромном разделочном сто-

ле и отодвигал их небольшими кучками. Помощники в белых поварских одеждах носили продукты со склада и из холодильника, расставляли на полках. Поглядывали на Катю, некоторые улыбались, подмигивали дружески. Катя старалась не мешать, не знала, куда деть руки, ей и хотелось спросить для себя какое-то дело, но Гоча был слишком серьезен. Наконец, он поднял на нее голову. Лицо из-за высокого колпака казалось вытянутым, он не был похож на повара, скорее на грустного клоуна. Гоча выстроил кучки овощей и корешков, издающие разные, иногда довольно сильные запахи, в длинный разноцветный рядок:

– Это ниахури,¹ – он ткнул кончиком ножа, – киндзи, тархун, это называется джон-джоли... да-да, чеснок, Катя, а вы что думали? Запрана имерули,² нюхайте, пожалуйста!

Гоча подробно с самым серьезным выражением лица объяснял, что есть что, куда и сколько идет и что делает с блюдом. Иногда останавливался и стоял думал. Как будто сообщал, что к чему.

– Положи это – спасешь! Положи это – убьешь любое блюдо, кроме... Ты что принес? – Гоча неожиданно обернулся на Зазу, который осторожно, бочком входил в кухню с большой кастрюлей. – Я сказал вылить!

– Гоча, давай на бизнес-ланч отдадим, такой бульон! Я це-

¹ *Ниахури* – побеги сельдерея (груз.)

² *Запрана имерули* – имеретинский шафран (груз.)

люю тарелку сейчас попробовал – не смог вылить! Восемь часов варили... – кастрюля была тяжелая, руки Зазы заняты, и он жестикулировал плечами и лицом. Прозрачный золотистый бульон в кастрюле волновался вместе с Зазой.

– Слушай, у тебя туда... колпак свалился! И там плавал. Варился там! Кто его достал?! Я его достал! Что тебе еще надо?! Ты будешь есть бульон из шапки?!

– Ты же его достал! Его там нет, сам посмотри! – Заза бросил возмущенный взгляд внутрь кастрюли.

– Ты что, сумасшедший?! Молодая красивая девушка на тебя смотрит, а ты такое говоришь!

– Я?! Что я сказал? Простите?! – Заза поклонился Кате, едва не плеснув на нее. – Я что-то сказал, Гоча?!

– О-о! Иди, вылей нэмэдленно!

– Вах! А-а! – Заза понес кастрюлю обратно, бормоча что-то по-грузински.

– Цаихе-цаихе!³ – крикнул Гоча вслед почти сердито. – Не смотрите на него Катюша, пяница грузинский! Ему вчера канистру вина передали из дома. Они с Рэзо пасидэли тэпло. Пэсни пэли душэвные! – передразнил. – Почему я не Йоселиани, я бы тебя в кино снял!

Он быстро переменял кучки овощей местами, подровнял ножом, он все делал ловко и красивыми движениями, Катя невольно, не без тайного страха, им любовалась:

³ Цаихе-цаихе! – Неси-неси! (груз.)

– Теперь скажи, что где? – Гоча смотрел по-прежнему строго, но и с наивной хитрецей в больших черных глазах.

Катя отвечала. Гоча как будто безразлично кивал головой. Уточнял. Она все назвала правильно.

– Молодец, я же говорю! Когда мама провожала меня учиться в Москву, она сказала мне: запомни Гоча, русские – очень трудолюбивый и малопьющий народ! Когда я это рассказываю, все русские смеются! Вот! – Он показал двумя руками на Катю и повернулся в сторону пустого еще зала. – Вы видите?! Почему у нас в ресторане работают пяницы-грузины? Заза! Я про тебя спрашиваю! У тебя вино в канистре осталось еще?

Потихоньку начинался бизнес-ланч. Скорости увеличились, Гоча больше не шутил, работал молча, резал, обжаривал, нюхал, сыпал специи, пробовал с хмурым видом. Катя помогала и в кухне, и в подсобке. Втянулась в работу, робость прошла, даже весело стало, она видела, что нигде особенно не ошибается, что ей стараются помочь, и улыбалась и кивала всем с благодарностью. Гоча время от времени подсовывал ей вкусненькое, но она не могла есть. Он сам, она заметила, тоже не ел. Когда наешься, работать лень, Катюша! – Говорил он с серьезным лицом и отрезал маленький кусочек, – вы попробуйте, вам это надо для дела! Гоча говорил с красивым акцентом, ему явно пришлось по душе слово «Катюша».

Незаметно Катя перезнакомилась почти со всеми, ей нра-

вились и доброжелательные повара, и официанты. Простая и удобная, в деревенском стиле, униформа казалась почти роскошной, только юбка чуть была широковата, и она закололась булавками. Катя чувствовала себя совсем не на работе, а будто попала на маскарад, где всем весело, все рады друг другу, кружатся в замысловатом быстром действии, и каждый знает свою роль. Это было никак не похоже на работу в больнице, где все были недовольны зарплатой и начальством, злословили, дружили друг против друга, принципиально не замечали больных, а многие умудрялись целый день ничего не делать, делая вид, что очень заняты.

Публика в зале была разная, в основном из ближайших офисов, были и грузины – постоянные клиенты, те приходили, как к себе домой, кивали официантам, обнимались друг с другом, садились за свои, уже накрытые, столики. Их обслуживали Заза или красотка Манана, слышалась неразборчивая, как будто небрежная грузинская речь. После обеда народу стало поменьше, заходили тетки, часто с покупками в больших красивых пакетах – потрепаться и выпить вина или кофе. Часам к шести ноги у Кати отваливались. Гоча увидел, что она устала и всё с таким же грустным лицом завел ее в раздевалку.

– Устала?

Катя не поняла:

– Не очень, я еще могу... я вам не понравилась? – сорвалось вдруг у нее испуганно. Почему-то именно Гоче хотелось

понравиться.

– Ох, – Гоча приподнял глаза к потолку и развел руки в шутовой молитве, – если бы не красавица-жена, все бы отдал, не увидеть мне неба Грузии!

Говоря это, он достал кошелек, вынул банкноту в пять тысяч рублей и подал Кате. Катя с удивлением глядела на Гочу, денег не брала.

– Берите, Катя, это наши чаевые, если мы с вами на кухне, то думаете, про нас не знают люди?! Берите, это ваша доля! И идите уже домой, отдохните, хватит на сегодня. В первый день всегда ноги болят. Маме-папе кланяйтесь!

Катя зашла на «Почту России» и отправила эти пять тысяч почтовым переводом. Дома денег не было совсем. За перевод взяли десять процентов, получилось четыре с половиной.

Катя шла по улице в смешанных чувствах: это были ее первые деньги, они были очень нужны дома, и можно было бы порадоваться, что отправила, но радости не было. Деньги казались странными, непривычно, незаслуженно большими, и ей мнилось, что завтра у нее их могут спросить обратно. Не Гоча, но кто-то, какие-то уполномоченные люди, узнав про эти деньги, явятся и потребуют вернуть. И она с легкостью их вернула бы, потому что не понимала, за что ей столько заплатили, семь тысяч, которые она раз в месяц получала за полставки в Белореченской районной больнице, были маленькими деньгами, но понятными и как будто честно заработанными. Если бы их дал не Гоча, а кто-то другой, она бы

не взяла. И эта мысль тоже ее смущала.

Настя же с утра опять малодушно села в кафе. Выбрала попроще, наблюдала за официантами и бесцельно думала о том, почему ее вчера не взяли. Непонятно было, какой-то фотограф... А если бы она там сидела и ее лицо понравилось. Блондинка – лицо грузинского ресторана, почему плохо? Настроение было фуфловое, как говорили в Белореченске. Она вздохнула, нахмурилась, представляя себе, как дома будут обсуждать, что тихушницу-Катюку взяли, а ее, Настьку Ерёму, не взяли. Что-то неприятное тяжело разливалось по организму. То, как все повернулось, было несправедливо со всех точек зрения.

Опять купила газету. Объявлений было, как и в Интернете – за год не обзвонить... Настя пошла по разделам: Экономика, Финансы, Информационные технологии, Маркетинг, Офисные службы... – это она всегда пропускала, как и Розничную и Оптовую торговлю; Строительство, Транспорт, Ремонт вызывали чувство холода, она видела себя на стройке в фуфайке и ватных штанах... и быстрее переворачивала страницы. Остановилась на разделе «*Красота. Фитнес. Спорт*». Просмотрела. Требовались администраторы, косметологи, массажисты, мастера ногтевого сервиса. Представила, что учится чему-то такому и потом целый день сидит и точит чьи-то ногти, Настя посмотрела на свои, почти не обработанные, с заусенцами, и ей стало скучно. Без сожаления пропустив еще кучу разделов, открыла «Ресторанный

бизнес». Сначала шли Мясники, Кондитеры, Повара и Пекари... Почему я никем таким не хочу? – думала Настя все с той же скукой, что и о мастерах ногтевого сервиса. Целый день стой и пеки ватрушки! Или суп целый день вари! Через неделю удавлюсь! Она листала дальше, поваров требовалось так много, что она невольно стала читать объявления: *Повар холодного цеха. 1300 рублей за смену. В трактир русской кухни. Бесплатное питание и обучение. Зарплата без задержек. Перспектива карьерного роста...* Да-а... – угрюмо глядела в мелкие строчки Настя, – в горячий цех переведут!

Официанты требовались в двадцать шесть ресторанов, она посчитала. Представила, как прозванивает эти объявления по телефону и что-то говорит... Что я должна говорить? Ей стало зверски тоскливо и захотелось домой. Просто упасть в свою койку, закутаться одеялом и ничего не видеть и не слышать.

– Девушка, вы в ресторане работу ищите? – Над ней стояла некрасивая девица чуть старше ее или даже ровесница с крашеными перекисью волосами и пристально рассматривала.

На груди девицы висел бейджик с надписью: администратор. От неожиданности Настя вздрогнула и сдуру, по привычке высокомерно зыркнула на незнакомку:

– Ну? – буркнула, понимая, что все уже испортила своим видом и отступать поздно.

Девица сразу расхотела разговаривать, удивленно, но веж-

ливо качнула головой и молча отошла. И больше ни разу не взглянула в ее сторону. Настя подумала подойти и извиниться, сказать, что думала о чем-то плохом, но так и не смогла придумать это самое плохое, еще больше разозлилась на крашеную крысу и не пошла.

На улице подсчитала деньги в кошельке – осталось меньше пяти тысяч.

Офис был совсем рядом, договорилась, что простоит час, попробовать. Стоило это сто восемьдесят семь рублей пятьдесят копеек. Уже через пятнадцать минут она понимала, что тут что-то не то. На нее смотрели как на дуру! С удивлением и даже издевались! Большинство, конечно, шли, не обращая внимания и отворачиваясь от ее листовок, но были и такие, что шипели – на дороге стоит, а некоторые специально толкали плечами и сумками. Два симпатичных парня курили в стороне и громко смеялись, показывая на нее пальцами, Настя покраснела от злости, отвернулась резко и налетела на какую-то старуху, та остановилась и стала выговаривать. Настя ушла в сквер, села на лавочку, достала сигареты, думая со злостью, зачем ей все это, и тут зазвонил телефон: ее предупреждали, что работа контролируется. И она снова встала, не пытаясь уже улыбаться, совала листовки, и снова на нее смотрели. Я слишком хороша внешне для этого дела, – понимала Настя. У нее промокли и замерзли ноги. Очередную волну народу выплеснуло метро, в кармане зазвонил телефон, Настя уже знала, что она в него скажет... Но это

была Катя, она освободилась, интересовалась, как дела. Настя буркнула, что занята, сунула телефон в сумочку, выбросила пачку листовок в урну и спустилась в метро.

На Ленинградском рынке аккуратно, опасаясь, что узнают, прогулялась по рядам. С ревностью издалека понаблюдала за рыжей Ольгой, чуть не столкнулась с молдаванином, тащившим ящики с яблоками. Мурада нигде не было. Ей и страшно было, что они тогда ушли почти со скандалом, и она твердо решила выйти сюда на работу. За прилавком она чувствовала себя привычно, и деньги были очень хорошие. Если бы не Катька, все было бы нормально, ее саму столько раз щупали за коленки... и что?! Она даже злиться начинала – из-за Катьки все. Настя настраивала себя, представляла, как весело заходит в подсобку к Мураду... и ей опять виделись остекленевшие Катькины глаза, и его в тот момент – хищное и трусливо потерявшееся лицо.

Она вышла на улицу, постояла в раздумье и побрела к метро.

Встретились с Катей у камеры хранения, забрали вещи и собрались ночевать в гостиницу. Настроение у Насти было на нуле. Даже не спросила Катьку, как отработала.

– К Сапару зайдем? – спросила Катя.

– Нет! – Настя нахмурилась и решительно мотнула головой на выход. – Такой сладкий, блин, прямо противно! Пойдем уже...

– Насть, надо зайти, – Катя покачала головой, – нельзя

так!

– Как мне надоели все эти таджики-узбеки! – Настя в сердцах бросила тяжелую сумку на пол. – Мы куда приехали? В Среднюю Азию?! Надоели, понимаешь... иностранцы эти чертовы!

– На минуту, скажем спасибо и уйдем... – не сдавалась Катя.

Они стояли среди вокзала. Два полицейских смотрели на них внимательно. Настя выругалась матерно сквозь зубы, подняла сумку и пошла к эскалатору на второй этаж. Катя догнала.

– ...добренькая ты наша Екатерина, блин... Сейчас опять в какую-нибудь ночлежку потащит...

В чайхане было полно народу, очередь небольшая стояла. Сапар обслуживал за стойкой, увидел девчонок, замер, обжегся чем-то, дернул рукой и заулыбался растерянно, не отводя от них взгляда.

– Ну, что я говорила? – зашипела Настя. – Сейчас опять, туда-сюда, поедем к дяде. У mine дядя в МГУ профессор. Кислых щей, блин!

– Пойдем, просто спасибо скажем, – Катя уже шла к Сапару.

За крайним столиком сидела большая Гульнара. Подняла руки, зазывая девчонок. Она пила, видно, чай, пот вытирала платком со лба и с толстой розовой шеи. Улыбалась широкой своей счастливой улыбкой.

– Ой, давно жду, – смеялась сама над собой Гюльнара, весело блестя глазами, – говорю, Сапар звони Настя! Не звонит, красный лицо делял совсем! Поедем к нам сейчас, всё, давайте. – Она утвердительно закачала головой. – Машина есть! Сейчас Сапар тоже, вместе поедем все. Праздник будем делить. Барашка зарезали. Красавицы мои! Что вам расскажу, садитесь пока!

Гюльнара тоже как будто волновалась и оттого забывала русский, улыбалась радостно и виновато. Она расставила чистые пиалки и взялась за чайник, качая головой. Настя, улыбаясь на простоту таджички, брякнулась со вздохом на стул.

– Гюльнара, спасибо вам, нам надо идти, – Катя не садилась, – мы сегодня работали, устали очень...

– Ой, куда вы пойдете? – удивилась Гюльнара. – Совсем не говори так. Жду вас давно уже, тут такой дело... очень хорошо! – Она опять расплылась в счастливой улыбке.

– Мы сегодня не можем, не обижайтесь!

– Нет, Гюльнара, в следующий раз, – устало поддакивала Настя.

– Куда пойдете? – удивлялась таджичка, качая головой. – У вас же дом нету!

Катя засмушалась ответить, что идут в гостиницу, Настя же наоборот:

– Все, Гюльнара, на работу устроились, в гостинице сегодня ночуем! Помоемся, как люди, на койках поспим!

– Зачем гостиница? Свой дом есть! – Гюльнара обеспоко-

енно на них смотрела. – Слюшай, – Гульнара серьезно взяла Настю за руку, – ...слюшай, давай сразу скажу тебе тогда... ради тебя совсем... из-за тебя праздник делим. Говорить с тобой хорошо хотела – живи с ним давай! – показала двумя руками на Сапара. – Только про тебе говорит, совсем больной весь. Три дня с отцом по телефону разговаривает! Про тебя спрашивает, жениться хочет! Отец старый уже – не разрешает. Ой, такое тут!!! Поедем, посидим, поговорим хорошо. А? Он как тебя любит, всех бы так любили! Он самый хороший у нас! Ты же видишь! Пальцем тебе не тронет! Его все уважают, сразу квартиру вам купим. В Москве! У Сапара деньги есть. На колым копил. Скажи ты, что поедешь!

Настя, наконец, пришла в себя, удивленно закачала головой и взялась за сумки.

– Не хочешь жениться, не надо, живите так, потом скажешь – хочешь-не-хочешь. Скажи ей, а?! – Гульнара умоляюще посмотрела на Катю. – Сапар такой мужчина – очень, слюшай!

Красивое смуглое лицо Сапара было темным от прихлынувшей крови. Украдкой поглядывал в их сторону. Когда увидел, как Настя качает головой и встает, и, растерянно оборачиваясь, идет к выходу, перестал работать. Только на нее смотрел. Гульнара раскачивалась из стороны в сторону и всплескивала руками, что-то говорила Кате, та гладила ее по плечу. Обнимала. Сапар стоял ни жив, ни мертв. Катя протиснулась к нему через очередь между пузатым седым

дядькой с усами и теткой в яркой куртке. Перегнулась через прилавок, толкнула поднос, бутерброды посыпались:

– Сапар, ты настоящий друг! – Катя еле держалась, чтобы не разреветься. – Спасибо тебе за все! Мы еще придем, ладно? Мы обязательно придем!

В черных глазах таджика блестели слезы. Он не слышал Катю, смотрел мимо в сторону эскалатора, на котором исчезла Настя, уронил металлическую крышку с чайничка, та загремела по кафелю, Сапар даже не вздрогнул, придвинулся к Кате и спросил тихо:

– Катя, скажи, я хороший человек?

– Конечно! – Катя готова была его расцеловать. – Ты что, Сапар, милый! Если бы не ты... Мы тут никому не нужны были!

– Таджик может быть хороший человек? Ты знаешь? Мне нельзя с ней быть? – Он бормотал все это сам, видно, не очень понимая, что говорит. Все искал мокрыми глазами ушедшую Настю.

– Не надо, Сапар, мы обязательно придем еще. – Катя держала его за руку.

Люди в очереди... кто-то понимал и помалкивал, кто-то нетерпеливо посматривал на буфетчика, по щекам которого уже открыто текли слезы, и на соседнее кафе, где народу было еще больше. Седой мужик с усами, которого и обслуживал Сапар, чуть отступив и давая Кате место, уставился на буфетчика.

– Три пирожка с капустой! – напомнил недовольно. – У тебя вон мимо льется. – Он повернулся к Кате. – Вы... девушки... что у вас тут, ей-богу?! – и мужик, сбавляя обороты, замолк растерянный и недовольный уже самим собой.

– Девушка, вы мне все время на ногу наступаете, – поддерживая усатого, громко заговорила яркая тетка. – Вы почему влезли?!

Катя не слышала, глядела на Сапара. Сапар смотрел на нее и не видел ничего. Горячий чайник держал в руках.

– Девушка! – нервно повторила женщина и потянула Катю за рукав.

– Это я! – Седой усач аккуратно переместил Катю на свое место и, отгородив их с Сапаром от очереди, недобро посмотрел на скандальную тетку. – Я наступил! – И, прищурившись вниз, наступил ей на ногу.

Катя с Сапаром молча шмыгали носами и грустно улыбались друг другу. Слезы текли по щекам.

Помылись в гостинице. Впервые за четыре дня. Душ и удобства были на этаже, номер шестиместный, дешевый, но чистый. Три двухэтажные кровати, небольшой письменный стол, телевизор. Пока больше никого не подселили и девчонки были вдвоем. Лежали на койках розовые, как поросята, разморенные маленьким счастьем жизни.

– Я тебе правду говорю – никогда в жизни в ресторане не была! – Катя рассказывала Насте о своем первом дне. – Ничего на знаю, люди новые... – Катя замолчала, вспоминая

«Мукузани», – там все улыбаются, никто ни с кем не ругается. Представляешь? Гоча может сказать строго, но... он не ругается. И никто не матерится. Заза, иногда, и Резо, они как дети, скажут что-нибудь так, что смешно. Они вообще какой-то другой народ.

– Какой? – серьезно спросила Настя, она как раз думала про Мурада.

– Добрые, да-да, добрые и уважительные друг к другу. Ты прямо чувствуешь, как они к тебе хорошо относятся. Хорошо и все! И так все спокойно, просто и весело – с ними очень легко.

– Ну ладно, что я грузин не видела! – перебила Настя.

– А где ты видела?

– Где-где, какая разница: грузины, армяне?

Катя повернула голову и внимательно посмотрела на Настю. Ничего не сказала.

– И что, там одни грузины работают? – спросила Настя.

– Нет, почему? Там все... Хозяин русский, кажется.

– Ну а какие-нибудь нафуфыренные приезжали? Актеры? Или богатеи, такие все?

– Не знаю, я не в зале работала. Думаешь, могут и актеры?

Настя думала о чем-то, потом с недоверием посмотрела на сестру:

– А как же чаевые такие большие? Может, он тебе не просто так дал?

Катя не заметила, легла снова, глядя над собой на дере-

вянную обрешетку верхней кровати:

– Не знаю, – сказала задумчиво, – мать за месяц тяжелой работы меньше получает. Почему так?

– А еда, чем кормили?

– Не помню... хачапури очень вкусный, шашлык Заза принес, мы втроем съели...

– Втроем?

– Гоча, Заза и я...

– И шеф-повар с тобой ел один шашлык? Из одной тарелки? – спросила Настя с недоверием.

– Мы не из тарелки ели...

– А как?

– Руками.

– И все? Только шашлык?

– Больше не помню.

– Еду не помнишь, актеров не помнишь... – Настя села на койке и взялась за верхнюю, – что помнишь?

– Не было актеров, тебе говорю... – рассмеялась Катя, – какие актеры?

– Не было, так будут, – Настя откинулась на спину и, задрав красивые стройные ноги, уперлась ими в верхнюю кровать. Трусы заголились, черные, ажурные. – Хорошие я себе купила? Три тысячи отдала! – подумав о чем-то, продолжила, – познакомишься с актером или певцом, выйдешь замуж, он накупит тебе трусов, шуб, сделает ребенка, потом бросит... – глаза скосила на Катю. – Что смотришь? Обычное

дело, тебе говорю, ты телевизор-то не смотришь! Надо только побольше шуб успеть купить! Или с папиком сойдешься с толстожопым, будет тебя потягивать раз в неделю, проживешь! Папик, кстати, лучше! Выбирай папика, Катюха. – Она помолчала – А вообще, я маленько в шоке от Москвы – говно здесь жить! Одни чернозадые – полная хрень! Прикинь... он жениться на мне хотел!

– Что? – не поняла Катя.

– Да Сапар этот – у меня прямо из головы не идет! Первый раз замуж предложили... – Настя замолчала, глядя куда-то вверх. – Странный, да, неделю не знакомы... Фу-у-у!!! – она брезгливо затрясла руками и ногами. – Даже думать не хочу!

– Влюбился в тебя! Разве это плохо? – мечтала Катя. – Он хороший! И красивый. Представь его не в буфете, а где-нибудь... в университете, на кафедре. Он талантливый и добрый. И ты красивая.

Настя молчала.

– Влю-бил-ся! – произнесла медленно. Слово-то какое... я в девятом классе первый раз влюбилась. Переспала... с одним козлом вонючим. Он потом за мной бегал.

Катя с удивлением на нее посмотрела.

– Ага... – Настя скорчила морду. – Нет, вру, не влюбилась, просто так получилось, самой себе хотела доказать, что вот я легко могу это сделать! А может, матери назло, это ее хахаль был. Потом долго не было ничего, у меня от него какая-то хрень завелась, в Иркутск ездила лечить... Не, ничего

серьезного, простая хрень какая-то, я забыла, как называется, но я перепугалась. Матери не скажешь, в поликлинику не пойдешь! – Настя села к зеркалу, рассмотрела прыщик на подбородке, и стала расчесывать волосы. – А ты влюблялась?

– Я? – Катя потрогала, взбила влажные еще волосы. – Думаю, что... не знаю.

– Вот бывает, какая-нибудь коза втюрится и бегаёт за пацаном... так, что все смеются! Это влюбилась? Что это вообще такое? Что в твоих книжках об этом пишут?

Катя молчала.

– Чего молчишь?

– В «Анне Карениной» Анна влюбляется... и Кити... Это, наверное, когда жить без него трудно. Совсем плохо жить без любимого человека... Почти невозможно, они обе очень страдают!

– А страдать, прям, обязательно? – Настя прицелилась выдавить прыщик.

– Не знаю... если это любовь...

– А чего они страдали?

– Анна замужем была и влюбилась, а Кити... Вронский должен был на ней жениться, а влюбился в Анну.

– Ну, ерунда, короче, в жизни все проще.

Она справилась наконец с прыщиком, повернулась к Кате, усмехаясь сама над собой:

– Проще! Вот, первый раз меня замуж позвали... И кто?! Таджик! Вот это проще! Кто бы сказал! – Настя растерянно

смотрела на сестру.

– Ну и что? Просто он тебе как мужчина не нравится, вот и все! Нам непривычно...

Настя молчала, воображала, видно, что-то или кого-то, хмуро потрогала себя за грудь:

– Что же у меня титьки-то не растут, а? В мужчинах она разбирается! – Настя замолчала, саркастически глядя на Катю. – А вообще да, мне, знаешь, кто нравится? Знаешь? – Она испытующе скосила глаза на сестру.

Катя пожала плечами.

– Мурад! Который тебя за ляжки цапал! Почему так бывает? Я когда про него думаю, мне прямо наши пацаны представляются. Тусняк какой-нибудь на несколько дней. Зависнуть с ним... со всеми прибабасами... А-а, ты не знаешь ни фиги. Я бы, если можно было, вообще ни о чем не думала, не работала ни дня, жила бы да и все! Были б бабки. Наверно, я развратная, да? Не хочу я ни за какой замуж! – и сквозь зевоту добавила: – Давай спать, сеструха!

Она залезла под одеяло, повернулась к стенке и, засыпая, пробормотала:

– Из-за тебя, кстати... уже три дня работала бы, может, и на квартиру к девчонкам поселились, недотрога ты наша.

Утром Катя собралась рано, надо было попробовать купить туфли, Настя хотела поехать с ней, но осталась. Лежала, свернувшись калачиком, пыталась о чем-то думать, засыпала, просыпалась и снова лежала. Это была многолетняя уже привычка. Дома она могла проваляться до обеда. Журналы листала со скуки, мечтала, как она ходит по подиуму или как она за границей! Парней рассматривала в этих журналах, примеряла их к себе и даже на себя.

Она лежала хмурая и не могла или не хотела ни о чем думать. С одной стороны, в голову лезли все эти дурацкие мутные дни и неудачи с работой, и ей самой уже непонятно было, можно найти здесь хорошую работу, нет ли. С другой – Катька устроилась, да и она сама полдня отстояла на рынке. За эти три дня, что они не виделись с Мурадом, она не только перестала его опасаться, но даже и соскучилась. В конце концов, ничего такого уж он не сделал. Вспоминала его белоснежную рубашку, тонкие золотые очки и умный взгляд, и опасалась, что он не станет разговаривать, если она возьмет и заявится. За то, что она тогда уехала с Катькой. А иногда замирала над тяжелой мыслью, что Мурад полез к Катьке, а не к ней.

Мурад встретил ее, будто ничего не произошло, только чуть прохладнее, по-деловому, и она опять работала рядом

с Ольгой. Ольга тоже ничего не спросила, то ли здесь никто не интересовался друг другом, то ли такая уж жизнь была. Люди приходят, уходят, поэтому и зарплату каждый день платят, – раздумывала Настя. Ей даже понравилась эта мысль, получалось, что она и денег зарабатывала и была свободна. В этот раз клиентов было мало, а может, она не так хорошо улыбалась, за полдня получилось всего восемьсот рублей. Мурад ни разу не подошел. Позвонила Катьке – та, судя по голосу, опять была счастлива в своем кабаке. Настроение было так себе.

– Работать будешь? – спросил Мурад, когда она пришла сдать халат и весы.

Спросил спокойно, но Настя увидела по быстрому изучающему взгляду, что ему хочется, чтобы она ответила «да».

– Буду, – ответила и вздохнула, так, чтобы он увидел, что это для нее не главное.

– Халат, передник забирай домой. Чистые чтобы были. Что невеселая? – Мурад уже откровенно изучал ее.

– Да-а... – махнула рукой.

Он задумался на секунду, улыбнулся и, взяв ее за локоть, приблизился:

– Ну, пойдем в рестора-а-ан, посидим вдвое-ем, отдохне-ем. – Мурад растягивал последние слоги, а сам все заглядывал ей в глаза. – Целый день стояла...

Настя посмотрела на него нерешительно, но недолго и опять вздохнула, вроде «была-не-была». Все напряжение

дня куда-то исчезло, она снова чувствовала себя привлекательной женщиной, чувствовала, как внутри загорается бесшабашный нетрезвый огонек.

В отличие от Катьки она ничего особенно не боялась. К своим двадцати пяти Настя много чего успела попробовать, побывала и в разборках, и в пьянках по нескольку дней, когда уже и не очень соображала, кто на ней потеет. Даже беременной побыла почти два месяца.

Мурад сказал, что вернется быстро, и ушел. Настя подмела пол, вымыла грудку грязных кофейных чашек. Волновалась немного, пыталась представить, что это будет за ресторан и достаточно ли она хорошо одета, вспоминала разные заведения, в которых побывала за эти дни. Ярче всего виделось, как они с Мурадом заходят в Катькин ресторан, он снимает с нее куртку, то есть нет, швейцар снимает куртку, а Мурад дает ему на чай тысячную, и они идут в зал. Катька сначала не узнает ее, а потом подходит к ним принять заказ и... Настя аж вспотела от гордости.

Заглянул угрюмый лысый азербайджанец, спросил Мурада, изучил ее грудь и джинсы, не стесняясь, молча, будто манекен в витрине, хорошо, что не потрогал. Когда ушел, Настя встала к небольшому зеркалу. На нее слегка тревожно смотрела знакомая блондинка с простым прямым пробором и слегка облезлым хвостом, с красивой шеей, ровными плечами. Ниже не видно было, она подставила стул, забралась. Так было видно только низ сиреневой кофточки на пугович-

ках-стразах да стройные джинсы. Она повертела задницей и увидела, что в дверях стоит Мурад и внимательно смотрит. Соскочила со стула:

– Фигура хорошая, но кругом худая, да?! – сморщила носик.

Мурад не ответил, только губами пошевелил да улыбнулся своим темным мужским мыслям.

Ресторан был на территории рынка, азербайджанский... короче, это было кафе с пластиковыми столами и стульями. Скромненько украшенное пластиковыми же арками в восточном стиле, с желтовато-красноватой подсветкой из фальшивых окон, с однообразной восточной музыкой. На входе два грузчика торопливо доедали суп из глубоких пиал. В дальнем углу три мясистые девицы с ведерными декольте пили чай и перебрасывались ленивыми фразами. Насте показалось, что они знали Мурада. Не поздоровались с ним, правда, и виду не подали. Только следили внимательно, одна даже развернулась и снисходительно выпятилась на Настю. Насте не нравился ресторан.

Мурад, похоже, это понял, тут же заказал домашнего азербайджанского вина, и она выпила целый фужер. Вино было приятное, сладкое. В голове у Насти зашумело, она расслабилась и ласково улыбнулась своему новому другу. И уже рада была, что не пошли в дорогой ресторан, здесь было привычнее, все напоминало кафе «Люкс» в родном Белореченске и даже жопастая буфетчица точно так же, замороженно

задрав голову, смотрела телевизор, подвешенный под потолком. Мурад пил мало, был чем-то озабочен, звонил и долго разговаривал по-азербайджански, вставляя немало русских слов, звонили и ему. Он всегда извинялся, прости, друзья из Баку, не говорят по-русски.

Еда была очень вкусная. Настя не ожидала.

– Азербайджанская кухня после французской на втором месте! Была бы на первом, но французы нашему президенту денег привезли – десять миллиардов! Или тридцать, я точно не знаю, ребята говорили.

Настя не поняла, кто и как сравнивал эти кухни, но сделала удивленное и даже восхищенное лицо.

– Ну! Чтобы мы не открывали азербайджанские кабаки во Франции! – Мурад развел руки и вытаращил глаза. – Кого хочешь спроси, любой грузин, даже любой армянин скажет: лучшая кухня на Кавказе – азербайджанская! А ты не знала?! – удивился искренне и рассмеялся. – Вот, попробуй простой бакинский салат!

Он ел аккуратно, не жадно, ножом и вилкой. Улыбался ей. Он не был сегодня таким разговорчивым, как в ту, первую их встречу.

– У тебя что-то случилось? – спросила Настя, отложив нож, который ей только мешал.

– Не-эт, что ты! Все хорошо... Тебе хорошо? – и он блеснул своими ласковыми, красиво выгнутыми черносливинами.

– Да! – Настя закивала головой, спихнула нож на пол и махнула на него рукой.

– А со мной хорошо? – Вроде и вальяжно спросил, но смотрел с вопросом в глазах. На неуверенного мальчика был похож.

Настя это видела. Подержала паузу.

– Не знаю... – ответила и прищурилась весело.

Он жил недалеко от рынка. В съемной однушке, ремонт в которой не делали, видно, никогда. Выключатели старые, с маленькими пимпочками. Только просторная двуспальная кровать была новой. Незастеленная, но с хорошим бельем, она занимала полкомнаты. Носки, трусы, рубашки валялись в разных углах и на подоконнике. Полная раковина грязной посуды на кухне, тарелка на столе с высохшей едой.

Мурад был не грубый, не торопливый... он был непривычно ласковый. Насте все это было просто любопытно, помня телесастых мастериц из кафе, которыми он скорее всего пользовался, она старалась взять страстью, выгибалась, прижималась и покрикивала, и чувствовала, что все выходит фальшиво.

Потом он вышел в ванную, там ему опять позвонили и он долго разговаривал. Вернулся в банном халате и лег рядом. Закурил, передал ей сигарету, потом закурил себе. Лежал на спине и думал о чем-то. Потом включил прикроватную лампочку, надел очки и стал ее рассматривать. Водил пальцем по ровным дугам Настиных бровей, ресницы трогал осторожно,

вел по носу, по губам, откинул одеяло. Настя поморщилась и прижалась к нему.

– Ты красивая! – он говорил просто, даже устало, и Настя не понимала, нравится она ему, нет ли, видела только, что думает он сейчас не о ней, а о своих телефонных разговорах. – Мужчин совсем мало было, да? Только не говори, что я у тебя второй, – он грубовато засмеялся и прикрыл ей рот ладонью.

Настя, услышав про «мало мужчин», чуть и, правда, не брякнула про второго, теперь промолчала и, по какой-то привычке, «стыдливо» отвернулась в подушку. Он обнял ее.

– Мопассан сказал, что может представить себе женщину, у которой был всего один мужчина, и никогда не поверит, что у нее было только два!

Настя не знала, кто такой Мопассан, и вообще не поняла, и не пыталась даже, лежала не шевелясь. Ей было не очень уютно в этом холостяцком бардаке, и еще она думала, что Мурад, это совсем, похоже, не то, что ей надо было. Не «спонсор», ни фига.

– Не переживай... ты раньше никогда не кончала?

Настя вздохнула и опять соврала, покачав головой.

– Все получится, надо порно посмотреть, заводит конкретно!

Настя сморщилась брезгливо и несогласно затрясла головой.

– Шучу! – Он засмеялся и снял халат. – Смотри, мы с то-

бой одинаковые! Оба худые!

Он выключил свет и стал ее гладить. Его сильное, слегка костлявое тело было покрыто волосами, даже на пальцах росли черные жесткие кустики. В этот раз у него все получилось быстро, и он тут же уснул. Настя же лежала и слушала редкие машины за окном. Думала рассеянно, что обычно люди как-то понимают друг друга. Даже если молчат. А тут они оба бессмысленно вращали на каждом шагу... это единственное, что было понятно. Еще понятно было, что у него проблемы. И у меня тоже, – вспомнила Настя. А какие у меня проблемы? Настя расширила поиск, подумала о бабе Дине и вдруг вспомнила про Катю. Мобильный был выключен. Катька наверняка ищет, – Настя нахмурилась и поняла, что не хочет ей звонить. Не то что неохота было врать, вообще ничего из сегодняшнего вечера не хотелось говорить Катьке. Мурад испуганно поднялся на локте, спросил: А? И тут же, перевернувшись, засопел дальше.

Утром Мурада разбудили звонком по телефону в неподходящий момент. Он долго ходил по комнате голый и разговаривал непонятно, размахивал руками выше головы, но тут же извинялся перед телефоном теми же руками, прижатыми к груди. Потом оделся хмуро, забрал у Насти паспорт «на оформление» и велел идти на рынок одной. Даже чаю не попили.

Катю опять отпускали пораньше, но она доработала до конца смены, привела в порядок свои столики, переделась

и вышла из ресторана. Было около часа ночи. Еще раз набрала Настю, телефон по-прежнему не отвечал. В метро она уже не успевала, да и не знала, где искать сестру. Деньги были, она не считала, но много – пять тысяч ей дал только невестельный лысый мужчина, который долго кого-то ждал, но так и не дождался. Она не захотела брать, он пристально посмотрел ей в глаза, легонько взял ее за плечо, придавил деньги солонкой и направился к выходу.

Катя прошла до угла, на Тверской было довольно много народу, остановилась. Непонятно было, куда ехать или идти. Вещи они оставили в гостинице недалеко от Ярославского.

На нее кто-то смотрел. Она почувствовала это, очнулась от мыслей, поблизости никого не было, обернулась – от входа в ресторан направлялся худощавый невысокий мужчина. Не дошел до нее, спросил, стесняясь:

– Вам такси не надо? Я – Максим...

Когда они сели, он объяснил:

– Я в этом ресторане всех подвожу после смены, – Максим дополнял свою речь мелкими стеснительными жестами и улыбался. – Вы новенькая, я видел вас сегодня в ресторане. Вам куда? А меня Максим зовут, извините, – еще раз представился.

– Катя, – сказала Катя.

Максиму на вид было лет тридцать пять. Остроносый, небольшие круглые глаза, худощавые скулы. Черты лица мелкие, но не болезненные, а приятные доброй наивностью,

которая исходила от всего его существа. Катя потому к нему и села, что он совершенно не был похож на таксиста. Улыбнулась ему, она все равно не знала, куда ехать.

– Поедемте на Ярославский вокзал, – попросила.

– На электричку? – Максим аккуратно сдал назад и выехал из ряда.

Катя в растерянности кивнула головой, Настя не шла из головы. Максим сосредоточенно рулил, временами бросая быстрые взгляды на Катю. Улыбался осторожно и снова смотрел на дорогу, но Кате казалось, что он дорогу не видит, а думает о чем-то другом.

– У вас все в порядке? – спросил вдруг Максим и уставился на Катю, забыв о дороге.

– У меня – да! – удивилась Катя.

– А-а... А я смотрю, вы думаете о чем-то... У вас часы хорошо идут?

– У меня нет, у меня телефон...

– Жалко, я раньше часовщиком работал. Мог бы посмотреть, почистить можно. Я Гоче старые, его отца часы починил, он в них теперь ходит! Вы видели? Большие такие! Вы о чем-то думаете все время? – Максим говорил скороговоркой, даже бормотал, как будто стесняясь того, что говорит, или вообще стесняясь себя как собеседника.

– Знаете, у меня подруга не отвечает на телефон.

– А? Извините... А домой нельзя позвонить?

У него было такое простое и участливое лицо, что Катя

по дороге коротко рассказала всю их жизнь в Москве, про поиски работы и квартиры. Просто так рассказала, она и не думала, что он поможет. Максим был похож на хорошего человека, или даже на очень хорошего, такие всегда хотят помочь, но почти никогда не могут. Он и машину вел странно: почти не глядя на дорогу, даже и забывая о ней. Катя косилась на него опасливо, но он все делал правильно, останавливался на красный, трогался на зеленый.

Максим какое-то время молча крутил руль, потом спросил, опять нерешительно поведив рукой у себя перед носом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.